

Ирина Кир

Орден Ранункулюс

Ирина Кир
Орден Ранункулюс

«Издательские решения»

Кир И.

Орден Ранункулюс / И. Кир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853033-3

Зародившаяся в начале восьмидесятых годов XX века дружба трех подростков перенесет читателя в недавнее прошлое и рассмешит до слез. Пронесенные через годы отношения также вызовут слезу и желание кое-что переосмыслить в своей жизни... однако это произойдет не скоро, а пока неунывающие друзья приглашают всех желающих на археологические раскопки в Крым. Ребята одержимы идеей найти клад, и он действительно обнаружится. Только тридцать лет спустя. Что это за находка и для чего послана?

ISBN 978-5-44-853033-3

© Кир И.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Орден Ранункулюс

Ирина Кир

© Ирина Кир, 2017

ISBN 978-5-4485-3033-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Подхватив тетрадку с рецептами и свежесвязанную кофточку, Женя ловко прыгнула в туфли Цебо из «Детского мира» и крикнула:

– Рома, Юхан! Мальчики! Я убежала к Сафоновой! Не скучайте! – И хлопнула дверью.

Никто не отозвался. Юхан Захарович уже с полчаса как смотрел послеобеденный сон, сидя в кожаном кресле с журналом «Иностранная литература», а Ромка дудел в ненавистную дудку. Точнее, в флейту-пикколо. Чтоб ей...

Как только дверь за матерью закрылась, Ромка, не вынимая мундштука изо рта, перебрался на подоконник и с нетерпением уставился в окно. РАЗ-два, три, РАЗ-два, три, РАЗ-два, три... по расчетам трех четвертей Женя должна была уже промахнуть лестничный пролет и поставить туфельку тридцать четвертого с половиной размера на ступеньку четвертого этажа. РАЗ-два, три... Пятачок перед подъездом пустовал, а это означало, что на мамином пути к Сафоновой кто-то встретился. Не иначе как Мурка-Гитлер. Ромка тотчас представил сцену, как переваливающаяся с боку на бок Мурка, вся обвешанная сумками, ловит в полете за край рукава его почти невесомую маму:

– Здравствуйте, Марьгеоргиевна, – говорит Женя Ромкиным голосом.

– Здравствуй, здравствуй, Женечка. – Мурке достается противный голос карлицы-горбуны. – Женечка, что я тебе хотела сказать: в девятом квартале выбросили венгерских куриц! Подожди! – Соседка долго роется в связанной из овощных сеток авоське и достает добычу. – Вот, глянь, какая красавица! Не то что наши синие птицы! Срочно отправляй туда Ромочку! Просто срочно! Нечего дома сидеть, симфонии разводить! Взрослый уже парень! Пора ему начать понимать, что к чему! А ты, вместо того чтобы объяснять, взвалила на себя двух здоровых мужиков да родню чужую в придачу. Посмотри на себя! Кожа да кости!

В общем, Мурка Рому бесила. И не только его. Вся дворовая компания терпеть не могла Марью Георгиевну и ее сына Георгия – взрослого дяденьку, обретавшегося у мамкиного подола. Любить Мурку-Гитлера было совершенно не за что. Во всяком случае, не за вечно недовольное, брезгливое выражение лица. И уж точно не за нотации, что читались любому, кто попадался на ее пути. И, конечно, не за толстые губы, криво накрашенные яркой помадой, не за удушливый запах духов «Красная Москва», не за крупный нелепый бант в жидких волосах, не за повышенную болтливость, не за... Однако основная причина неприязни крылась в том... (и Адольф Гитлер имел к тому прямое отношение) ... в том, что Мурка гоняла всех от палисадника, который она разводила под окнами своего третьего этажа.

Круглый год, не считая зимы, на Муркиных клумбах что-либо цвело. Еще не успевал сходить снег, а из расколов талых сахарных голов уже выглядывали голубые и белые подснежники, набирали бутоны оранжевые крокусы. Только отходили крокусы – их сменяли разноцветные, от нежно-розового до густо-фиолетового, гиацинты. А какие тюльпаны выгоняли ко Дню Победы Марья Георгиевна с сыном! Один к одному! Алые, с острыми, точно языки пламени Вечного огня, кончиками лепестков! «Огонь» полыхал в окружении нарциссов четырех сортов. На первой клумбе цвели желтые с белыми рыльцами. На второй – наоборот, белые с желтыми рыльцами. На третьей красовался Женин любимый сорт – жемчужный цветок с сахарной гофрированной трубочкой в форме колокольчика. На четвертой клумбе размещались самые изящные представители семейства амариллисовых: мучнисто-белые с плоской оранжевой сердцевинкой и красным кантом по ободку. Под последний звонок распускались бордовые и лавандовые пионы. Их запах смешивался с двумя кустами махровой сирени по углам палисадника. И как, спрашивается, можно совладать с собой да не покуситься на такую красоту? Но Мурка с сыном зорко следили за всеми, кто приближался к их владениям. Исключения не делались никому, даже дворовой любимице – собаке Дуське. Для Дуськи и ее хвостатых

приятелей у Мурки всегда наготове стояла кастрюля с водой. Для всех остальных – визгливая, с надрывом, оглушающая отповедь, накрывающая звуковой волной весь квартал. Действо сопровождалось выбросом правой руки вперед и пронизывающим пространство указующим жестом, что у любого советского человека рождало прямую ассоциацию из кадров военной кинохроники: «Дойчен зольдатен унд офицерен!» Если Адольф Гитлер в пламенных речах с трибуны во всех грехах обвинял евреев и большевиков, то Марьеоргевна с высоты третьего этажа не ограничивала себя ни в чем. Ни в национальном, ни в социальном, ни в возрастном, ни в каком-либо еще плане. Если бы она клеймила только одного нарушителя территории – это еще как-то можно пережить, но в Муркином разносе принимали участие все члены семьи охочего до цветочков подростка, а также друзья, гости и случайные знакомые. С указанием дат и времени суток. За это Мурку не любили и все остальные жители квартала.

Наконец Женя выпорхнула из подъезда, и Ромка, не переставая выводить фуги, предусмотрительно спрятался за горшком с крупным кустом алоэ. Он знал, что мама поднимет голову и проверит – не следит ли он за ней. Если следит, то может сделать финт – вернуться и заставить доиграть все задание до конца, а еще хуже – повторить упражнения еще пару раз. Это в Ромкины планы никак не входило. Ну вот, наконец коричневый в желтый горошек плащ скрылся за углом соседнего дома, и Ромка с наслаждением оборвал пассаж. Свобода!

Больше всего на свете шестиклассник *Раман Садо*, в просторечии Ромка, мечтал о том, чтобы все оставили его в покое. Тогда бы он с удовольствием мог предаться любимому увлечению – созерцанию. Такому нехарактерному для ребенка занятию мальчик посвящал любой свободный момент. В школе, сидя за партой, он подпирал рукой щеку; на улице – находил лавочку или облакачивался спиной о дерево; дома – гнезвился на подоконнике, свешивался с перил балкона и открывал дверь в иной мир. Странно только, что та прекрасная дверь повиновалась только ему. А все очень просто: надо, к примеру, сосредоточиться на игре ветерка в осиновой кроне. Кто на это обращает внимание? Немногие, а Рома видел не листок, а задрапированную в шаль испанскую танцовщицу в пышной юбке. То плечом подернет, то поведет бедром, а затем возьмет и кокетливо приподнимает многослойный подол... Вы думали, тыльная сторона осинового листа зеленая? Нет! Исподняя часть у «танцовщицы» серебряная! И до понимания выражения «дрожит как осиновый лист» Ромка тоже дошел сам, без всякой подсказки – черенок осинового листа по отношению к его площади самый длинный из всех изученных мальчиком деревьев. Именно такая пропорция дает особенную, осиную зыбь. А кто знает, сколько цветов переливается одновременно на крылышках крошечной фруктовой мушки? Раман насчитал десять. Ни одна бабочка не сравнится с крохой по количеству переливов! Рисунки штор и обоев. Если правильно на них смотреть, можно различить султана в чалме, злое лицо волшебника или плавно изгибающееся тело длинноволосой красавицы. Трещины на стене – развалины замка, водяные подтеки на стекле – перевернутые деревья неведомой рощи, плывущие облака – животные небесного зоопарка (баран с крыльями, поросенок в чешуе и с рыбьим хвостом, тигр с рогами тура). Он бы увидел еще больше – оставь его в покое и дай в руки что-нибудь помять. Неважно что: носовой платок, промокашку, пластилин, кусочек хлеба. Особенно хорошо мять апельсиновую корку – она запах дает. Мандариновую тоже неплохо, но она быстро приходит в негодность. Женя назвала подобное состояние сына «луна-тичным» или «сомнамбулическим», а само занятие созерцанием – «бдением». Во время «бдений» Ромка уходил настолько далеко, что, когда его тормозили, находился еще «там» и отвечал не всегда адекватно. Мать тревожило поведение ребенка, и время от времени она даже порывалась показать сына детскому психиатру, но отец останавливал.

– Брось и забудь, – философски говорил Юхан Захарович жене, годной ему и на вид, и по возрасту в дочери. – Просто сын у нас с тобой – натура самоуглубленная.

– Не самоуглубленная, а сомнамбула ходячая. Вот так иной углубится... А если не вернется? – тревожным голосом отвечала Женя.

– Вернется, вернется, – улыбаясь в усы, отвечал отец, – куда ж ему деться...

Правда, однажды, находясь «за дверью», Ромка был близок к невозвращению – он просто не почувствовал, как, закашлявшись, начал задыхаться. Врачи решили, что это аллергия на апельсины – в тот раз мальчик мял апельсиновую корку. Но приступы кашля с удушьем начали повторяться, и доктора поставили диагноз – астма, апофеоз которой пришелся на август. Что-то зацвело, но Муркины «сады Семирамиды» оказались совершенно ни при чем. Цвела, как говорила красавица Венера Билялетдинова, аллергик со стажем, скорее всего полынь. Венера жила на втором этаже и сама в ту неделю ходила с носовым платком и красными от слез глазами. Супрастин ей давно не помогал, и Венера через знакомых доставала дефицитные таблетки, которыми поделилась с Женей. Ромка послушно пил импортное лекарство, но без толку – каждую ночь к дверям их подъезда приезжали неотложки. Врачи делали спасительный укол, качали головой и, как могли, успокаивали семью:

– Не переживайте, у мальчиков это бывает. Годам к семнадцати—восемнадцати, как правило, перерастают.

– Дожить бы, – всхлипывала Женя.

Когда мама плакала, ее и без того молодое лицо становилось совершенно девчачьим. Любому человеку со стороны логичным было предположить, что зареванная Женя – сестра, а суетившиеся вокруг Колавна и Юхан Захарович – бабушка с дедушкой. Так и произошло, когда уставшая от ночных вызовов врача «скорой» закрыла на минутку глаза, откинувшись на спинку стула и произнесла Ромкин приговор:

– Вы, бабушка с дедушкой, как хотите, но если вам дорога жизнь ребенка, то мальчика нужно отдавать на духовые инструменты. Самое лучшее – на саксофон. Он легкие хорошо разрабатывает. Мальчик-то у вас маленький, грудная клетка у него узкая. А саксофон и количество приступов сразу уменьшит и их интенсивность. Покупайте ребенку инструмент, а сестренка пусть водит в музыкальную школу.

Докторша сидела с закрытыми глазами и не видела, как изменились лица присутствующих, но посвящать чужого человека в семейную иерархию не имело смысла. Только Юхан Захарович вздохнул и риторически произнес:

– Ну да, все правильно. Еврею – скрипку, айсору¹ – дудку.

– Что вы сказали? – спросила врач, открыв глаза. – Я не расслышала.

– Ничего, ничего, – как бы встрепенувшись ото сна, ответил Ромкин немолодой отец, – это я про себя.

Через три дня на обеденном столе времен Павла I красовался немецкий саксофон «Диамант» одна тысяча девятьсот тридцать девятого года выпуска. А как иначе? Какой, скажите на милость, саксофон может приобрести антиквар своему единственному сыну? Только антикварный. Других вариантов не рассматривалось.

Раман уже свыкся с мыслью, что в его жизни появится саксофон – Юхан Захарович много и восторженно рассказывал про джаз, приводил в пример оркестры, где без саксофона никуда, достал пленки с Армстронгом и под конец намекнул на то, что редко какая женщина устоит перед саксофонистом. Влюбчивый Ромка клюнул на эту приманку, но в музыкальной школе его ждало разочарование – первые два года будущие саксофонисты осваивают флейту-пикколо... С флейтой церемониться не стали – купили самую простую в обыкновенном музыкальном магазине.

Во двор въехал груженный «газик» и остановился напротив их подъезда. Дверь открылась, и оттуда выпрыгнул щуплый, подвижный, будто на шарнирах, мужчинка. Вслед за ним из кабины вылезла сдобная тетенька в ситцевом халате и косынке на голове. Ромка отложил

---

¹ Айсоры (ассирийцы) – народ, происходящий от древнего населения Передней Азии. Происхождение возводится к обитателям Ассирийской империи. Вероисповедание – христиане. Относятся к семитской группе народов.

кусок пластилина, вслепую дотянулся до отцовского цейсовского бинокля и направил окуляры на тетеньку. Что-то в ней было не то... Раман усиленно вглядывался в женщину, пока, наконец, не понял, что именно не давало ему покоя – неестественный зазор между лбом и косынкой. Господи, так это же бигуди!

Приехавшие открыли борта грузовика и выпустили из кузова двух грузчиков и бело-брысого мальчишку – ровесника Ромки. Началась обыкновенная суета, связанная с новосельем. Семья эта, скорее всего, въезжала в пустующую на четвертом этаже квартиру, прямо под Садо. Раньше в семьдесят девятой жила жизнерадостная патологоанатом Виктория И с мужем Владимиром, тремя дочерьми и внуком Дениской. Виктория Борисовна была единственным человеком, с которым Мурка-Гитлер связываться опасалась. «Из всех врачей только патологоанатом чувствует себя совершенно комфортно – на него никто не жалуется», – шутила тетя Вика. Не иначе как врачебная специальность неунывающей кореянки наводила на копающуюся в почве Марью Георгиевну суеверный страх. Кто знает, что на уме у басурманки, каждый день имеющей дело с теми, кому прямая дорога в землю? И шуточки эти ее дурацкие...

Другие бы, на месте девочек И, пользовались своей безнаказанностью, но Александра, Таисия и Светлана считались детьми воспитанными и видов на Муркины клумбы не имели. А то, что Света раз в год, одиннадцатого мая, аккуратно срезала ножницами пять белых нарциссов с гофрированными трубочками (кто бы заметил!), – не считается. Цветы предназначались хрупкой, как и сами нарциссы, Жене на день рождения. Ромкина мама – библиотекарка носила Свете редкие книжки, порой на одну ночь, за что девочка была очень благодарна. А потом младшая дочка Виктории Борисовны, не дождавшись результатов приемной комиссии бауманки, все бросила и уехала строить БАМ². Оптимизм Виктории Борисовны и здесь не подкачал: «Кто куда: кто в МАИ³, кто в МЭИ⁴, а моя Светка тоже на три буквы!». А вот Ромка расстроился. Он был влюблен в Свету. Но, с другой стороны, с ее отъездом отпала необходимость решать для себя, кого же он больше любит – младшую И или Венеру Билялетдинову. Влюблялся Ромка часто и помногу. Что делать? Горячая южная кровь, хоть и разбавленная русичами да вятичами, кипела в Рамане Садо с того самого момента, как он ощутил себя не просто живым существом, а именно мальчиком. Помимо подъезда у него имелись влюбленности в обеих школах, во дворе, в прачечной, в магазинах «Диета» и «Детский мир». Только тетки из булочной не котировались. Ни возраст, ни конституция тела, ни цвет глаз или волос не имели для него никакого значения. В женщине, по его убеждению, важна не красота, а «манок». Заключаться он может в чем угодно: в движении бедер, особенном жесте, запахе, улыбке, поволоке в глазах, смехе... А если внешние данные сочетаются с «манком», тогда это однозначно любовь...

Из воспоминаний о Свете И, об ее особенном голосе: тихом и немного сиплом; о манере говорить: с легкой паузой в одну четвертую; о полуулыбке на чуть выпирающих вперед, готовых к поцелую губах Ромку вытолкнул неприятный звук. Толстой тетьюшкой с авоськами, что спиной втискивается в автобус, звук грубо выпихнул образ Светы, и пробудившийся от грез Раман очнулся в Муркиной «оратории». От слова «орать». Не иначе кто-то залез в цветник.

Так оно и было: белобрысый новосел нарушил границы палисадника. Он вошел в живую изгородь лаковых космей. Девчонки называли их «французскими духами» – нажмешь на бутон-кнопочку, и из него заструится нежный парфюмерный запах. Но парень шел не за духами. Он уже обогнул золотые шары и, добравшись почти до центра, остановился напротив клумбы с разноцветными однолетними георгинами – «веселыми ребятами». Мурка

² БАМ – Байкало-Амурская магистраль. Строилась с большими перерывами с 1938 по 1984 г. В 1974 г. объявлена всесоюзной комсомольской стройкой.

³ МАИ – Московский авиационный институт.

⁴ МЭИ – Московский энергетический институт.

заходила в истерике: «Лимита поганая!», «Понаехали!», «Недоносок!», но парень, казалось, не слышал обращенных к нему эпитетов – у него имелось занятие поважнее. Он ударил пару раз мыском в насыпь у «веселых ребят», нагнулся, поднял что-то, потер и покинул запретную территорию.

– То-то же! Смотри у меня! – кричала Марьгеоргевна октавой ниже. – Еще раз увижу – уши пообрываю!

Ромка открыл окно, навел максимальное приближение на полевом бинокле и вылез чуть ли не по пояс – на ладони нового соседа серебрилась монета! Не иначе как рубль! Олимпийский или юбилейный (с пятого этажа не очень-то разберешь), но целый рубль!

***

Белобрысого новичка звали Петя Глинский. Он стоял у доски, засунув руки в форменные брюки. Через плечо висела потрепанная сума с надписью: «Олимпиада-80». И ничего, что часть ремня сумки крепилась на скрепке, а вторая сверху пуговица школьного пиджака так и просилась на пол – все девчонки в классе замерли от восторга. Еще бы! Перед ними стоял сошедший с картины былинный богатырь. В ранней молодости, конечно.

Вот только в учебе богатырь оказался не очень. Если поначалу все девочки завидовали Лене Смирновой, с которой посадили Глинского, то через неделю им стало ясно, что новичок будет использовать отличницу Ленку в корыстных целях. А именно: списывать все предметы, кроме физкультуры и пения, где Петя сразу себя показал на все сто процентов. Он и отжался, и подтянулся, и по канату залез и куплет про «Ленин такой молодой и юный октябрь впереди» вывел с чувством и пониманием не в пример Садо – ему, известное дело, медведь на ухо так наступил, что любая музыкальная школа уже бессильна. По всем остальным дисциплинам Петр Глинский относился, как говорили учителя, к «твердым троечникам».

Сентябрь восемьдесят третьего года был богат в сто второй школе на новичков. Помимо красавца Глинского и трех более-менее симпатичных девчонок в школу пожаловал сам Пшениа. Нет. Не так. САМ Пшениа – это будет верно. Леха Пшеничников, завсегдатай детской комнаты милиции, и жил в соседнем квартале, и учился в соседней школе. Интрига ситуации заключалась в том, что учебные заведения стояли недалече друг от друга и Пшеничникова-младшего (трое старших уже облагораживали тундру каждый по своей статье) перевели в Ромкину школу с весьма конкретной целью. Вернее сказать, с благородной миссией – прервать династию Пшеничниковых, вливающих в строй советских граждан исключительно через врата Бутырского тюремного замка⁵. По мнению чиновников РОНО⁶ и сотрудников милиции, воспитательная работа в сто второй была поставлена на уровень выше, нежели в Пшениной общеобразовательной, так что Лехиной рокировкой педагоги с милиционерами надеялись сделать из Алексея Валентиновича Пшеничникова полноценного члена общества. Не чета отцу и братьям.

Сам Пшениа чихать хотел на мнение РОНО (милиции он все ж побаивался) и начал устраивать в новой школе свои порядки. Почитателей в сто второй у него хватало, и Леха без труда сколотил себе команду, с которой собирался навести полный шухер.

В туалет на третьем этаже Ромка попал совершенно случайно – все уже знали, что Пшениа со товарищи на большой перемене курят в *тубзике* третьего и там лучше не появляться. Однако Раман по своему обыкновению задумался и прошел лишний этаж, а тут и физиология дала о себе знать. В уборную он вошел спокойно, без преград, но, дойдя до писсуаров, понял,

---

⁵ Бутырский тюремный замок – следственный изолятор №2 города Москвы (ул. Новослободская, д. 45). Спроектирован архитектором Матвеем Казаковым. Памятник архитектуры.

⁶ РОНО – районный отдел народного образования.

что попал в ловушку – и сзади и по бокам его обступила Пшенина свита. Сам Леха сидел на подоконнике и разминал беломорину.

– Ой, глядите, кто нам пожаловал. – Гостеприимно распахнув руки, хулиган изобразил любезность. – Тоже без *никотину* подышаешь? – И с издевкой протянул папиросу.

– Нет, нет, – сконфузился Ромка, – я... пожалуй... пойду...

– Куда это ты, хотел бы я знать, собрался? – Пшениа спрыгнул с подоконника и засунул папиросу за ухо. – Не к завучу, часом?

– Нет, не к завучу, – тихо ответил Ромка.

Леха ухмыльнулся и шмыгнул носом:

– Все вы говорите, что не к завучу, а потом бежите и стучите, падлы! – Лицо его перекосило злобой. – Эй, Болт, кинь-ка мне спичечный коробок. Мой совсем пустой. Неинтересно будет!

Стоявший по Ромкину левую руку Герка Гаев по кличке Болт вытащил коллекционный коробок с бабочкой-шоколадницей (всего в наборе было двенадцать бабочек) и в точности исполнил приказ «хозяина» – кинул коробочку. Пшениа ловко поймал передачу и положил коробок на выложенный плиткой пол.

– Эй ты, армяшка, навостри локаторы сюда, – блатным голосом произнес Леха, и в глазах его подручных блеснуло неподдельное уважение, – подваливай ко мне и принимай позу дворняги у корыта с водой.

Все, кроме Ромки, хихикнули.

– Будешь толкать этот коробок носом от меня до двери, – продолжил Пшениа. – Ты меня *поэл*?

Кодла дружно заржала – «здорово придумал!» и побудительно глянула на Ромку: мол, давай, не мешкай! Болт даже толкнул его в плечо:

– Слышал, что Пшениа приказал?

– Я не армянин, – удивляясь собственной храбрости, ответил Ромка, – я айсор.

– Какой еще засор? – спросил Леха Пшеничников, и вся шобла снова загоготала.

– Оставь его в покое, – послышался за Ромкиной спиной сильный, уверенный в себе голос, – ничего он толкать не будет.

Все повернулись. У двери стоял новичок с сумкой «Олимпиада-80» через плечо.

– Ничего он толкать не будет, – констатировал Глинский, а затем отдал четкий и предельно ясный приказ: – Отпусти его.

Лучше бы Петька угрожал, тогда дело закончилось препираниями и мелкой разборкой, но он посмел приказать! И кому?! САМОМУ Пшение!

Леха сплюнул через зуб:

– Ты кто, *ваще*, такой будешь?

Новичок спокойно стоял, засунув руки в брюки, и, нагло изогнув красивые губы, смотрел хулигану прямо в глаза. Пшениа психанул:

– Я второй раз спрашиваю, ты кто такой будешь?!!

Новичок будто его не слышал.

– Кто ты, мать твою, такой будешь, чтобы мне указывать?! – уже визжал Пшениа, и тогда Глинский, снисходительно усмехнувшись, снизошел до ответа:

– Ученик шестого «А» Глинский Петр Николаевич. Помогло?

– Урою! – орал потомственный урка. – *Ять-тя* урою, ты *поэл*? Собирай завтра к четверем подписку!

– Уважаю, – спокойно ответил Глинский. – Где?

Пшениа тяжело сопел:

– Напористый ты змей... Завтра во дворе... у Красного...

– Это где такое?

– Это у Красного кирпичного магазина, через три квартала, – вмешался в разговор Ромка, – я тебе покажу. Я подписываюсь и иду с тобой.

Под «подпиской» подразумевался сбор приятелей, которые будут выступать на твоей стороне в случае драки. Согласно непубликованным правилам обе команды выставляли столько бойцов, сколько могли, и соотношение сил на поле боя не имело значения. Один против десяти? Значит, один против десяти. Подписка есть подписка.

Весь следующий день сто вторая школа жужжала о предстоящей драке. Идти на сторону новичка Глинского кроме Рамана Садо желающих не нашлось, а вот доброхотов и парламентаров собралось достаточное количество. «Откажитесь, не связывайтесь!», «У него первый брат по хулиганке, второй по разбою сроки мотают. Не Пшениа, так дружки отмутузят!», «Извинитесь. Что, сложно? Пшениа отходчивый».

В назначенное время в сквере за продуктовым магазином, называемым за особый, свекольный, цвет кирпича «красным», в подписку без пяти минут уркагана собралось человек двенадцать. Четверо школьных корешей, а остальная братва – неизвестно откуда. Они бродили, важно курили, не вынимая папирос из рта, и разминали кисти.

– Ты когда-нибудь дрался? – спросил Петька идущего рядом Ромку.

– Ну тааак, – неуверенно ответил тот и переложил саксофон из одной руки в другую. С этого года их класс (наконец-то!) перевели с флейты-пикколо на титульный инструмент. Чтобы оправдать уход из дома, Ромка прикрылся *музыкалкой* и для полного алиби забрал антикварный «Диамант».

– Понятно, – вздохнул напарник, – значит, так, первое: убираешь эту фисгармонию подальше. – Одноклассник небрежно кивнул на сакс. – Второе: встаем спина к спине. Так мы защищаем тылы друг друга. Самое неприятное – когда нападают сзади. Третье – защищай лицо. Вот так. – Петя приложил наискосок руку к лицу. – Из этой позиции можно потом выйти на удар. Четвертое... Не бойся вкуса крови. Пятое... Если повалят на землю – обеими руками закрывай голову. Если руки уже не слушаются – сворачивайся что есть сил в калачик. И прячь голову в колени. *Поэл?* – голосом Пшениа спросил Петька напарника.

Оба рассмеялись.

Их зубы и почки спасла Колавна. Она вышла из Красного магазина и решила задворками сократить обратный путь. Жители соседних домов, видя, как стая хулиганов мутузит двоих пацанов, начали потихоньку выбегать из квартир, звонить в милицию, но не терпящая несправедливости Колавна подошла вплотную к месиву из тел и принялась без разбору лупить кого палкой с резиновым набалдашником, кого сеткой со сгущенкой. Она могла еще долго наводить порядок, невзирая на вопли «Ты что, бабка, сбрендил?», но увидела валяющийся на земле раскрытый чехол с саксофоном «Диамант», одна тысяча девятьсот тридцать девятого года выпуска, осела прямо на землю и заголосила.

– Убиииииии!!! – взвывла Колавна. – Фашииистыыы!!! Ромочку моего убили до смертииии!

При фразе «убили до смерти» недобитые банками сгущенки сторонники Пшениа вместе с атаманом прыснули в разные стороны.

Квартира Петьки пахла ванилью и яблоками, что неудивительно – оба его родителя работали на кондитерской фабрике «Черемушки», а на выходных съездили в деревню и привезли мешок антоновки. Ваза с яблоками украшала стол рядом с новеньким, неделю назад купленным диваном. На его красном велюре распластались изрядно поколоченные одноклассники. Их матери суетились вокруг раненых чад и беспрестанно кудахтали.

Раман не слышал женской болтовни – он нашел предмет для созерцания. В этот раз Ромка внимательно изучал метаморфозы зеленого цвета яблока в зависимости от освещения и... угла прищипки правого, только наполовину затекшего, глаза. Левый полностью вышел из строя. По словам травматолога: «Откроется в лучшем случае дня через три-четыре, и то пока не полностью».

У Петьки, наоборот, подбитым оказался левый глаз и сильно разбиты губы (не считая перелома руки). Время от времени он ворочался и недовольно шевелил распухшим ртом:

– Эй, мамыши, ну *хорош* уже причитать. Хватит.

– Что хватит? Что хватит? – всхлипывала Нина Антоновна, прикладывая то одному, то другому «подписанту» холодный компресс. – Ведь убить же могли!

Разводившая марганцовку или резавшая марлю зареванная Женя вторила Петькиной маме кивком и очередной порцией слез.

– Но ведь не убили же! – не выдержал наконец Петька.

– Не убили! – всплеснула руками Нина. – Вы слышите, что он говорит! А?! Не убили! Вот ведь дурак, ей-богу, дурак!

– Кто дурак? – спросила Женя, внося в комнату лед для компрессов.

– Да Петька мой, кто ж еще? – Нина Антоновна высморкалась. – Жень, ну сама посуди... Иные в стороне стоят, а этот на рожон лезет! – Нина поправила съехавшую на лоб косынку, закрывавшую бигуди, и продолжила: – Родной дед! Кто б мог подумать! Один к одному... – И, немного помолчав, добавила спокойным голосом: – Отец мой такой же был – борец за справедливость. Чуть что – в драку ввязывался. За правду лез в самое пекло. Так и Петька... Что в той школе, что в этой...

– Жив? – спросила Женя.

– Кто? Отец-то мой? – Нина Антоновна тяжело вздохнула. – Да нет, конечно... упокой господи его душу... – И робко, исподтишка перекрестилась.

Дверь в квартиру Глинских в тот вечер не закрывалась. Сначала сидел свой участковый, пил чай и составлял протокол, который забыл на столе вместе с гостинцем – кульком яблок. Затем поднялась Марья Георгиевна и принесла домашней наливки: «Выпейте, девочки, обнулитесь. Все хорошо, все нормально, мальчики живы, и это самое главное». После Мурки пришла добрейшая тетя Катя с молоком и миской творога: «Кальций, им сейчас нужен». Не успела уйти тетя Катя – пожаловал участковый другого участка (где происходила драка), а вместе с ним мама Венеры – Фарида Файдуллаховна с двумя кусками отбитых антрекотов: «Лед – хорошо, но мясо лечит мясо. К синякам мясо надо прикладывать». Направляющихся в сторону семьдесят девятой квартиры Софью Михайловну и Бориса Юрьевича Бройде было слышно за два пролета.

– Софа, ну Софа же, – умоляюще обращался к жене Борис Юрьевич, – ну что ты с меня хочешь?

– Как – что?! – возмущалась тетя Софа. Родилась и выросла она в Одессе, а высшее образование получила в Ленинграде. С тех пор ее речь состояла из одесского говора с ленинградским налетом. Окурки назвались хабариками, хлеб – булкой, гречка – гречей. Все жили «в пятом подъезде» – одна Софья Михайловна «на пятой лестнице». Молоко и квас она брала не на разлив, а в рзлив. Ну и, конечно же, «булочная» вместо «булошная», невисское «что» против московского «што». – Как – что?! Иди и осмотри мальчиков! Я просто уверена – эти коновалы из травмпункта что-то упустили! Ты бы видел их лица!

– Софа, дорогая, – оборонялся дядя Боря. – Мне несложно посмотреть! Но какой с этого толк?

– И он еще меня еще спрашивает, какой толк! – неслось уже более отчетливо. – Тебе что, сложно сделать диагноз? Ты вообще врач или деталь?

– Врач, Софа, я врач! Но я же протезист!

– И что с того? – искренне недоумевала супруга. – И зуб кость – и рука кость. И десна мякоть – и лицо мякоть. К тому же все это хозяйство находится на голове! Иди уже!

В коридоре опять послышались шаги, но вместо четы Бройде в дверном проеме появилась растрепанная женщина лет сорока с невероятно усталым лицом. За ней виновато плелся Пшениа, заметно утративший глянец.

– И вот это ты называешь по понятиям? – Не представившись и не поздоровавшись, женщина указала на Ромку с Петькой.

– Ну ма-ам, – виновато басил Леха, – я же тебе уже говорил – это была подписка!

– Гуся мокрого писка! – рубанула мать и одновременно отвесила Пшене такую затрепщину, что тот вылетел вперед.

Нина Антоновна и Женя стояли, прижавшись друг к другу, и, потеряв дар речи, наблюдали за происходящим.

– Ты где такие понятия, могила моя, выискал?! Где такие понятия, в которых дюжина лбов мочит двоих безоружных малолеток! – продолжала Пшенина родительница.

– Безоружных?! – осмелел Леха. – Да этот, маленький, знаешь, как меня по голове своим *сексофоном* огрел – думал, хана! Кеды в угол поставлю!

– Значит, мало огрел, что мозги на место не встали! Один на один выходить надо было! И все! Ты мне... – женщина проглотила нецензурное выражение, – ты мне, Пшеня, смотри... и потом не говори, что не предупреждала! Наматывают тебе по этому делу чалму⁷ – ни курева, ни лопухов⁸ от меня в чалкиной деревне⁹ не дождешься! Так и знай! Проси прощения, сученьш, кому сказала! – И вдруг, прислонившись к косяку, без всякого перехода запричитала нараспев: – Не губите, ой, умоляю, не губите! Ой, простите его, дурака такого захристареди! Я полы вам буду мыть, женщины мои милые, белье стирать – крахмалить – гладить, только заберите заявление! Ой, один он у меня остался! Последняя моя надежда! А без него мне уже и жить-то незачем! Вся семья на нарах парится! Ой, да за что же мне такое наказание! Ой, да как же мне все это обрыдло, кто бы знал! Ой, Христом Богом молю...

Все присутствующие в квартире матери, включая тетю Софу, пустились в плач...

– Орфоэпическая ты ж сила в космических лучах! Это что за изоморфия тут происходит?! – раздалось среди гомона и слез. Наступила тишина. Ромка изо всех сил вытаращил оставшийся глаз и приподнялся на ушибленном локте, чтобы лучше разглядеть говорившего, а тот продолжил: – А ну, мамзели, хорош брухиерею на глюкозе разводить! Остров Жапонез, понимаешь!

***

Чтобы правильно воспринять и оценить картины, к примеру... ну, возьмем Караваджо, мы должны быть знакомы со средой, в которой мастер писал свои полотна, а также с сюжетной подоплекой. Так же и с отцом моего друга Петьки дядей Колей Глинским. Для начала нужно окунуться в атмосферу, где он, с позволения сказать, «творил». Итак, представьте себе лето. Уютный московский дворик где-то в Черемушках утопает в зелени... Из окна второго этажа раздается:

*Земля в иллюминаторе,
Земля в иллюминаторе,
Земля в иллюминаторе видна...
Где-то на углу:
Моооре, моооре, мир бездон-ный,
Пен-ный шееелест волн прибре-ежных...*

---

⁷ Наматывать чалму – быть арестованным (*уголовный жаргон*).

⁸ Лопух – чай (*уголовный жаргон*).

⁹ Чалкина деревня – место заключения (*уголовный жаргон*).

В воздухе витает запах жареной картошки и аромат Москвы. Вы знаете, чем пахнет Москва? Тополями! Тот сладковатый пряный запах сильно разбавленного водой дешевого одеколора дают тополиные почки!

На веревках сушится белье, слышен стук выбиваемого половика. С детской площадки раздаются визги малышни, девчонки прыгают в резиночку, играют в дочки-матери. Настоящие матери прогуливаются с колясками или сидят на лавочке. Вот как раз на лавочки и следует обратить внимание. Они стоят по всему периметру квартала. По три на каждую сторону. В основном на них располагаются компании старушек и домохозяек, но есть особенные... «Интеллигентская» находится у четвертого корпуса. Заправляет на ней старик Горшков. Колченогий мужик с суровым бронзовым лицом. Большой любитель шахмат. В детстве я как-то открыл учебник истории, увидел изображение Сергея Ивановича и, изумившись, прочел подпись «Гай Юлий Цезарь». До того был похож... На «интеллигентской» собираются старички-шахматисты вместе с внуками. Иногда к Горшкову приковыливает мой отец – Юхан Захарович Садо. Его уважают и сразу уступают место. Во-первых, правая нога у отца короче левой – врожденный дефект, во-вторых, родитель мой далеко не молод, в-третьих, Юхан Захарович знает толк в шахматах, ну и, наконец, папа – антиквар, а следовательно, интересный собеседник. Горшков ждет его с нетерпением, чтобы обсудить проблемы мироздания. Лексически у шахматистов вы никак не обогатитесь. Самое тяжелое ругательство «Ттытыты...». Ну и черт с лешим. Негусто, негусто... Идем дальше.

Рядом с интеллигентами сидят доминошники. Это простые работяги, шофера, наладчики. Они уважают в перерывах между сменами или по выходным «забить козла», попить пивка из трехлитровой банки и почесать языки. Пролетариат, безусловно, выражается, но не так чтобы очень. Весь диапазон укладывается в интервал от «Ядрид Мадрид» до «Япона кочерыга». Мужики в основном ведут себя прилично и по первому зову жен идут развешивать белье или обедать. Перемещаемся правее.

Под сенью сильно изогнутых ив, как за шторами, прячется лавочка, на которой собираются «старшныи», или, как говорят наши матери «страшныи» – длинноволосые старшие ребята и их подруги. Из кассетных магнитофонов скачет «Чингисхан» и бешено хохочет родной город: «Москау, Москау! Уаха-ха-ха-ха!». Парни бряцают на гитарах популярное:

*Я пью до дна за тех, кто в море!
За тех, кого любит волна!
За тех, кому повезет!*

Каждый, кто умеет держать гриф, считает своим долгом вывести четыре диссидентские терции «Smoke on the water»¹⁰ – фа-фа-фааа, фафа фа фа, фа-фа-фа, фа, фааа. После «дыма над водой» компания с хохотом орет во всю глотку «What can I do?»¹¹ на русский манер – «Вод... ки-най-дууу! У! Вод... ки-най-дууу!». У них можно подслушать анекдоты, как Фурманов, Чапаев и Петька раскладывали квадратный двучлен, про сексуальные похождения Вовочки и поручика Ржевского, а также:

*– Федикс Эдмундавить, у вас, батенька, ноги вадасатые?
– Волосатые, Владимир Ильич, волосатые.
– Ага! Отень ха-да-со! Надюша, запиши «Федиксу Эдмундовитю ваденки на зиму не выдавать»!*

Старшие позволяют себе «блин, заколебал!». Иногда прорывается и «великий могучий». В основном прародители «блина» и «заколебала». Тожже быстро надоедают. Мат в чистом

¹⁰ Дым над водой (англ.). Популярная песня группы Deep Purple.

¹¹ Что мне делать? (англ.). Популярная песня группы Smoke.

виде, согласитесь, неинтересен. Он плохо пахнет и режет ухо, уж извините. Мат в моем понимании – это острая ароматная приправа. Чуть переборщил – и блюдо безнадежно испорчено. И мы, пацаны, стремимся оказаться у второго корпуса, где, образно говоря, можно попробовать разных блюд... На так называемой «пьяной лавочке».

Лавочки как предмета уже давно нет. Каркас бывшей скамейки напоминает обглоданный голодными собаками скелет кита, выбросившегося на берег. За густыми кустами стоит стол, а вокруг него, досками внахлест, места в партере. Это и есть место сбора всех окрестных почитателей зеленого змея – «пьяная лавочка». На нее, как в клуб, приходят порой семьями.

Мать и отчим моей одноклассницы Светы Мостовой были, как сейчас это принято говорить, «резидентами» того очага культуры. На «пьяной» собирались и последние алкаши, и мелкие пьянчужки, и хмыри, и забулдыги, и затюрканные – задолбанные жизнью индивиды, и просто сторонние любители выпить да за жизнь поговорить.

Приходил даже глухонемой Маринкин Отец. Никто не знал имени того мужика – у них вся семья, кроме старшей Маринки, имела слуховую инвалидность, но Маринкиного Отца все прекрасно понимали!

С шести утра и до позднего вечера в «очаге культуры» перезваниваются стаканы, напеваешь «Из полеей доносится на-леей!»¹² или

*И пускай не ходят поезда
В наш забытый богом уголок,
Разве же тебя, моя беда,
Не зовет на северо-восток?*

Хлюпанье карт сменяется ударами кулаков о столешницу, залпами салюта вырывается... крепкий, хлесткий, многоуровневый... Нам, безусловно, надо туда...

Алкоголиком, в привычном понимании этого слова, я бы дядю Колю не назвал. Он был человеком во хмелю. Ровно поддавый – так еще можно сказать. Я сравнил бы его с древнегреческим сатиром, только без бороды. Треугольное лицо, горящий глаз, шальная улыбка, подпрыгивающая походка, приводящая в движение одновременно все суставы его туловища. Попробуйте походить на копытах – у вас выйдет именно так. Даже не сомневайтесь.

С первого дня проживания в нашем квартале дядя Коля стал завсегдаем «пьяной лавочки». Чем больше он проводил времени «в обществе» – тем выше становился его авторитет. Это, хочу я вам сказать, дано не каждому. Началось все со Склифосовского. Человека звали Анатолием. Ему было лет сорок, и большую часть своей жизни он отслужил в ТЮЗе¹³. Благодаря Анатолию наш класс пересмотрел весь репертуар театра, где собутельник Светкиных родителей играл то Дуб зеленый при Коте ученом, то третьего лешего в правом ряду, то Камень богатырских раздумий, а душе-то хотелось... понятное дело, что не Гамлета (какой в ТЮЗе Гамлет?), но Ивана Царевича или Тимура. А выпадал Камень... Анатолий переживал безмерно, но виду не показывал. Актер приходил на лавочку поделиться с товарищами муками творчества и методами вхождения в роль. По системе Станиславского. Нет маленьких ролей – есть маленькие актеры! Как это важно – прочувствовать неживой предмет, еще важнее – достоверно сыграть его. И Анатолий ездил специально смотреть на валуны в Коломенскую усадьбу – вживаться в образ Камня. Все по системе великого Станиславского... Я как раз являлся свидетелем того разговора.

---

¹² Переделанная фраза из популярной песни Льва Лещенко «Соловьиная песня», где есть текст: «Из полей уносится печаль».

¹³ ТЮЗ – театр юного зрителя.

– М-да... – многозначительно сказал тогда дядя Коля и с пониманием покачал головой. – М-да... – снова произнес он после театральной паузы, – это не каждому дано... СКЛИФОВСКИЙ... и по системе!

С тех пор Анатолия во дворе все стали называть Склифосовским. Главным талантом дяди Коли, а он имел их штуки три минимум, я считаю его уникальную способность ругаться матом, не используя при этом ни единого нецензурного слова. Смысл и эмоциональная окраска выражения при этом совершенно не терялись. У художников есть три первичных цвета: красный, синий, желтый. Из них можно получить все остальные: зеленый, фиолетовый, коричневый, оранжевый и так далее. У отца моего друга все было наоборот. В его распоряжении находилось четыре нецензурных корня, производными от которых в русском языке можно выразить буквально все, вплоть до знаков препинания! Но дядя Коля полностью игнорировал исходники! Он брал иные краски! Позволю себе перефразировать известное выражение и сказать, что «не существовало в мире такого слова, которое не подошло бы Николаю Васильевичу Глинскому для ругательства». Откуда он их брал?! Откуда художники берут сюжеты? А Петькин отец был гений, экспрессионист, Ван Гог, если хотите, от материшины! Хотите «Подсолнухи»? Пожалуйста! Собрались алкаши на «пьяной лавочке», выпили, закусили, пошел разговор про женщин. И тут грузчик из гастронома, Федька Трунов, заявляет, что, мол, Венера Билялетдинова, небесная богиня Венера, была в него в восьмом классе влюблена и писала ему письма.

– Не еврипидь! – говорит дядя Коля. – Такая эклектика, как Венерка, на один цветок с тобой экклезиаст не выложит – не то что письма писать.

Сколько раз я пытался постичь алгоритм построения его конструкций! Ведь должна же быть какая-то система! Сколько раз говорил себе: «Ага, вот она закономерность!» – и в тот же день дядя Коля утирал мне нос новым островом Жапонез. Он, кстати, действительно существует – я это недавно узнал. В Мексике или в Бразилии. Не важно... а вот когда гаечный ключ падал дяде Коле на ногу или разливался стакан, он что есть духу вопил «Евпатооооория!».

Отец моего друга не ограничивал себя географией. Он вообще, как истинный творец, не видел рамок. Однажды, в сильном подпитии, пришел в его кудрявую голову залезть на клумбу нашей соседки Марьи Георгиевны, что цветы под окном разводила. Букет решил нарвать. У соседки артиллеристские залпы один за другим: и алкаш, и тварь, и падаль... а дядя Коля встал во весь рост, расправил плечи, закинул голову – вылитый идальго в плаще (не хватает только шляпы с пером) – и, понизив голос, страстно произнес:

– Мурка... бином ты ж Ньютона, хорош тянуть сову на глобус! Дай я своей Мадонне хоть раз в жизни серенаду соберу!

«Серенаду соберу»... При всех талантах Николай Васильевич Глинский был потрясающе необразованным, но далеко не поверхностным человеком. Это очень важно! Поверьте, никакое высшее образование или энциклопедические знания не сделают вашу речь проникновенной и осязаемой одновременно. Это дар. Отбрасывая нецензурные выражения в излиянии страстей, дядя Коля сохранял и эмоциональную и смысловую наполненность фразы, добавляя в нее изрядную долю драматизма. Случались у него и промашки – не без этого. Блеклые, примитивные картины с четко читаемыми контурами. Но встречались и настоящие шедевры. «Крик» Эдварда Мунка, выраженный словами. Слабо? «Крик» случился в то двадцатое число, когда наш экспрессионист пропил с друзьями аванс. Похоже, весь. До копейки. Мы поняли это по походке: виноватый Сатир в ожидании гнева Зевса, подпрыгивая конечностями и понуривав голову, бредет на неминуемую казнь. Он подошел к Петьке, обнял его и, тяжело вздохнув, печально изрек: «Ну все, сынок... жги трусы – пришла война!»

***

Заявление забрали, но Пшене это не сильно помогло. Дело, как говорили тогда, «имело резонанс», и Леху определили в специальный интернат. Еще не Бутырка, но уже и не воля. Подельников Пшеничникова поставили «на карандаш», руководство школы в полном составе вплоть до пионервожатой получило выговоры. Досталось и пострадавшим – зачем пошли на поводу у несознательного элемента? Почему не сообщили в пионерскую организацию? Нагоняй еще больше сплотил Ромку с Петькой (опять вместе держали удар), и они подружились уже совсем по-настоящему. Теперь то Ромка гостил у Глинских – пил чай с зефиром, домашними пирожками, расстегаями, ватрушками, то Петька сидел в квартире музея и только успевал спрашивать:

– А это кто?

– Айвазовский.

– Тот самый?

– Тот самый, тот самый, – важно отвечала за Ромку Колавна. На первых порах она беспокоилась, что соседский мальчишка либо что-то сломает, либо разобьет, а может быть, и прикараманит... Кто его знает. Отец-то на «пьяной лавочке» как родной прописался, поэтому нельзя оставлять парня одного у ценных предметов.

– А это что? Вот эта ваза с дыркой по центру?

– Колавна, что это? – переспрашивал Ромка. – И зачем там дырка?

– Квасник. Между прочим, Императорского фарфорового завода! А дырка, чтобы лед класть. Срамота! Отец сколько раз тебе рассказывал! О чем ты вечно думаешь?

– А это можно потрогать? – не унимался Петька.

– Нет, нельзя! – фыркала Колавна. – Не видите – убираюсь я здесь! А ну пошли в свою комнату!

Официально такой профессии, как антиквар, в СССР не существовало. Юхан Захарович работал оценщиком в ломбарде, но по своим знаниям и опыту был ближе даже к искусствоведу. Специализировался он на фарфоре и дома держал целый шкаф с прозрачными дверцами, за которыми располагались драгоценные экспонаты. В том числе и тот самый императорский квасник. Шкаф никогда не открывался, а ключи от «фарфорового шкафа» Ромкин отец всегда носил с собой. Зачем только? В квартире куда ни кинь взгляд – все нужно было прятать под ключ: хорасанские ковры, цветной бехметьевский хрусталь, мебель времен Павла I, картины Перова, Сурикова, Сомова, Кузнецова, статуэтки Гарднера и Попова, китайские вазы и даже гравюра Дюрера. Да, не первая копия и даже не десятая, но ведь Дюрера! Зато посуда была самая обыкновенная. Штампованная и даже без рисунка – бей не хочу. И столовые приборы – уносите, гости дорогие. А еще совершенно невкусная еда. На кухне заправляла сестра Юхана Захаровича – Колавна, она же Валентина Николаевна (наверное, от разных отцов). Все, что выходило из-под ее массивной руки, имело большой размер и сомнительные вкусовые качества. Чан супа на неделю, толстые серые макароны с котлетами-лепешками, клеклые оладьи... Семья не роптала, а Ромка при первой возможности отъедался у Глинских. Такой контраст не укладывался у Петьки в голове – жить в музее, а кушать неизвестно что с общепитовских тарелок. Может, поэтому и не возникло у него ни чувства зависти, ни ощущения неполноценности. Отсутствие потертых ковров и непонятных картин можно пережить, а вот невкусную еду с никчемной посуды – увольте.

В школу они теперь ходили вместе, и обратно частенько тоже. По дороге набирали мелочи на два мороженых или кино. Выяснилось, что Петька обладал особыми способностями – находить ценный металл. Чаще всего монеты, реже оброненные серьги, цепочки, совсем редко – кольца или занятные железяки. Так что обнаруженный в Муркиной клумбе рубль к случай-

ным находкам не относился. Раман начал вести статистику трофеев друга. В лидерах двушки и десятюнчики, затем трешки и пятнашки. На третьем месте копеечные, двадцатикопеечные монеты и... железные рубли. А вот полтинники... С ними отдельная история.

Все найденные деньги Петька сразу спускал на дело: кино, мороженое, буфет, Планетарий, поплавки, рыбки для аквариума, марки, пластинки, календарики. И только полтинники клал бережно в карман и никаких действий в ближайшее время с ними не совершал. Даже когда делал крупные покупки за счет своих находок, пятидесятикопеечных монет в грудe мелочи не наблюдалось. Ромка решил подождать очередного полтинника и задать вопрос в лоб, но денег пока не *приходила*.

Весна запаздывала. Когда шли в школу, капал мелкий дождик, а сейчас, судя по наметившимся узорам в уголках окон, слегка подморозило. Ромка сидел, подперев рукой щеку, и смотрел на улицу. Полностью отключиться не получалось – голос географички Ольги Николаевны, повествовавшей о климатических зонах Восточного полушария, нарезал эфир на эти самые зоны.

– А следовательно, – голос учительницы шел вверх, – эффективное земледелие в зонах тундры и лесотундры невозможно!

«А следовательно, – думал Ромка, разглядывая лед на стекле, – сегодня надо звать Петьку сразу после уроков кататься на горке около музыкалки. А еще упросить *Леньчика* дать мне контрабас. Хотя бы на один раз».

Около музыкальной школы располагалась шикарная горка. Часть – снежная, а часть – ледяная. Редкий учащийся обходил ее стороной – на ней всегда кипела жизнь. Одними из лучших считались саксофонисты – они садились на кофры саксов и со свистом обгоняли тех, кто катался на картонках, линолеуме или даже на нотных папках. Ромка с Петькой на «Диаманте» одна тысяча девятьсот тридцать девятого года выпуска стояли почти на вершине горочной иерархии. Выше их располагался только *Леньчик*. Никто не мог сравниться с рыжим контрабасистом Ленькой Мухиным в дальности заезда. Его контрабас ракетой преодолевал ледяную полосу, прочерчивал борозду в снегу и достигал асфальтовой дорожки. Такое не удавалось никому! Скрипачи и виолончелисты с ужасом глядели на краснощекого Леньку, обнимающего контрабас, и нервно прижимали свои струнные к груди, справедливо опасаясь, что неистовый Мухин начнет кататься и на их инструментах.

– Садо! – окликнула его Ольга Николаевна. – Повтори, что я сказала.

– А? – очнулся Раман. – Что? Я? А?

– Опять на радугу залез? Ох, дождешься ты у меня!

– Так это... Ленька Мухин... то есть лесотундра... там чего только невозможно, – промямлил Ромка, а весь класс покотился с хохота.

Друзья быстро заскочили домой, подхватили саксофон и побежали к музыкальной школе. На пути расстелилась покрытая тончайшей пленкой льда крупная лужа. Петька наступил на край – раздался свистящий хруст, и холодное стекло быстро превратилось в хрусталь. Он убрал ногу, нагнулся, пошарил рукой подо льдом и вытащил пятьдесят копеек! Ничего не говоря, Петр вытер монету рукавом и отправил в карман. Раман только этого и ждал:

– Глинский, а ты что, полтинники коллекционируешь? – Время от времени они называли друг друга школьный манер – по фамилии.

– Нет, – предельно коротко ответил Петька и поставил твердую точку после отрицательной частицы. Любому стало бы ясно – продолжение разговора нежелательно. Но только не для Рамана Садо.

– А куда ты их деваешь? Я ни разу не видел, чтобы ты ими расплачивался, – «давил» Ромка.

Петр остановился. Засунул руки в карманы, сдвинул брови и оценивающе посмотрел на одноклассника, как бы прикидывая, достоин ли тот ответа или нет.

– Чуйку кормлю, – на полном серьезе ответил Петя.

– Какую Чуньку? – С фантазией у Рамана все было в порядке, а вот со слухом, как подтверждали музыкальные преподаватели, значительно хуже. Поэтому вместо «Чуйку» он услышал «Чуньку» и представил толстую свинью, пожирающую полтинники... ой...

– Не Чуньку, а Чуйку.

– Кто это? – почти шепотом спросил приятель.

Петька задумался и почесал нос. Он всегда чесал нос, когда не знал ответа.

– Да я, Ромка, если честно, сам не знаю... Ну что-то типа... не могу точно сказать... Короче... Давай сядем...

Они сели на лавочку.

– В общем, я давно заметил, что кто-то... или что-то... или даже нечто... меня на металл наводит... Это как бы чувство такое... вот я и назвал его – Чуйка.

На его нос упала капля. Петя поднял голову, Ромка последовал примеру друга и посмотрел вверх. Признание настолько Рому впечатлило, что он бы не удивился, если на елке, под которой они сидели, увидел ту самую Чуйку. Серую, длинноногую, длиннорукую, пучеглазую...

– Я так понял, – продолжил Петька, отодвинувшись от капающей ветки, – мне разрешено брать все, кроме полтинников, а полтинник – это сигнал Чуйка хочет есть. Ну... для себя я это так объяснил, хотя это больше похоже на дань. Я должен отдать деньги тем, кто нуждается.

– А как ты это понял? – зачарованно спросил Ромка.

– На собственной шкуре. – Петька поправил модный «петушок» – Очень радовался полтинникам – нахожу-то я их редко. Но как найду – сразу какая-то ерунда происходит. То ногу подверну, то подерусь неудачно, то двойки за двойками начинаю получать, то папаша запьет. Ты же знаешь, он у меня не запойный, а тут как черт в него вселяется, – короче, начинается *непруха*. Вот тогда до меня и дошло, что с полтинниками нужно расставаться. Но не выбрасывать же их?

– Ага...

– А для чего деньги нужны? Чтобы их тратить на что-то. Если мне полтинник тратить нельзя, то кому можно? Родителям? Проверил – нет. Другам? То же самое. Я даже менять пробовал – результат один. Непруха. И тут, мы еще в общаге жили, вижу я – в мусорном баке дед с палкой копается. Грязный, оборванный, вонючий. Нашел кусок хлеба и прям впился в него зубами – помойную горбушку кушать начал. Знаешь, Ромка, у меня прям сердце сжалось, как жалко его стало. Подошел я к деду и отдал полтинник – пусть купит себе еды. На молоко с хлебом точно уж хватит. А отцу в тот день премию дали. И он вечером пришел мало того что трезвый, да еще матери в подарок духи принес.

– Ух тыбы, – только и додумался что сказать Раман – А как ты этих людей, ну, которые нуждаются, находишь?

– Да когда как, – облегченно ответил Петр. Тайна, скорее всего, тяготила, и он был рад, что выдалась возможность не только поделиться, но и обрести понимание. – В этом деле системы нет. Просто ношу полтинник с собой до нужного момента, и все.

Девятого марта, после праздника, дворовая компания, куда входили Садо и Глинский, собралась в кино. Ромка зашел за Петькой, радостно съел предложенный Ниной Антоновой пирожок с капустой (родители отмечали праздник в гостях, а у Колавны в меню опять макароны) и первым съехал по перилам.

– Ы! Ы! – услышал он за входной дверью. – Ы-ы! Ыыы!!

– Космические войска Гондураса! Ну, где ж ты раньше был! – донесся голос дяди Коли. – Тебя бы ребята похмелили!

– Ыыыы! – издал жалобный звук Маринкин Отец. – Ыыыы!

– Не рви мне контрабас! Сам аллилуйю к носу притягиваю! Моя все выгребла! Вот, глянь.

– Ыыы! – умолял собеседник.

– Что случилось? – спросил доехавший по первого этажа Петька. – Чего стоим?

– Да вот, – ответил Ромка, – Маринкин Отец денег на опохмел собирает, а у твоего папы денег нет.

– Это правда, – кивнул Петя, – мать седьмого, как чувствовала, все до копейки у него забрала. Чтобы с опохмела в запой не сорвался.

Входная дверь распахнулась.

– О, Петруха! Ромка! – В подъезд ввалился поддатый дядя Коля. – Куда собрались? В кино небось? А на какие титимити?

– Нет, пап, какое кино! – ответил Петька и ткнул Рамана в бок, чтоб не выдал. – У нас, сам знаешь, денег нет. Ромкины родители в гостях, – приятель для убедительности пару раз кивнул, – он с Колавной. А у нее пятака не допросишься, – друг снова мотнул головой, – так что мы просто погулять.

– Ты отцу-то дерьма на ржавой лопате не подкладывай! – Глинский-старший попытался сделать гневный вид, но, видя ухмылки на лицах детей, сменил амплуа. – Петька, сын... – проникновенно начал дядя Коля, – найди папке денжат, а? Вот тут, – он положил руку на грудь, – понимаешь, горит... а?

– Найду, пап, обязательно найду! – клятвенно пообещал Петя. – А сейчас мы пошли, ладно?

– Иди уж... что с тобой делать. Изоморфия!

На бордюре у подъезда сидел Маринкин Отец и тяжело вздыхал. В душе его скреблись кошки, они же в нее и нагадили... Пьяная лавочка (редкое дело) пустовала, и помощи глухонемому ждать было неоткуда.

– Расселась тут пьянь подзаборная! – брезгливо бросила проходившая мимо женщина. – Шел бы домой! Тут дети ходят! Какой ты пример им показываешь?

Отец Маринки не мог слышать обращенной к нему речи, он только вздыхал... В трясушемся кулаке зажаты несчастные шестьдесят копеек – таким трудом собранные по корешам. Какой только с них прок? Портвейну на шестьдесят копеек не купишь, на троих сообразить не возьмут – дело-то после праздника, а пива не завезли... Кто-то постучал ему по плечу. Глухонемой поднял голову – перед ним стояло двое мальчишек. Один протягивал ему пятьдесят копеек. До закрытия винного магазина оставалось двадцать минут.

***

Женя поднималась по лестнице, когда дверь на третьем этаже открылась и оттуда высунулась Марья Георгиевна:

– Женечка, – заговорщически начала соседка.

– Добрый вечер, Марья Георгиевна.

– Добрый вечер, добрый вечер. – Мурка торопливо зашептала: – Что я хочу тебе, Женечка, сказать: Венерка снова приходила к Юхану Захаровичу в твое отсутствие. Да! Я сама видела! Ты дурочку-то святую из себя не строй! Виды она на твоего мужа имеет. Даром что фамилия Блядинова.

– Билялетдинова, – автоматически поправила ее Женя. – Марья Георгиевна, ну что вы такое говорите? Юхан Захарович Венере как отец. Он ее в первый класс отводил. Из роддома встречал.

– То-то и оно! – подхватила Мурка. – С чего бы Юхан в первый класс Венерку повел?

– Да знаю я эту историю...

– Да ничего ты не знаешь! – перебила Ромкину маму соседка. – А я тебе скажу: истерики Венерка Фаридке закатывала, что-де у всех есть папы, а у нее нет. Вот и пошла Фаридка

к Захарычу, единственному неженатому мужчине в подъезде, поклон вешать – отведи, мол, пожалуйста. А теперь и до Венерки наконец дошло, что и самой надо устраиваться и волчонку отца заводить... И не абы какого! Все эти ее кавалеры... – Мурка покрутила в воздухе рукой. Со стороны могло показаться, что она объясняет Жене правило буравчика, – хахали-то все эти на «Волгах» – только время провести с ней весело готовы, а жениться-то не торопятся! Я тебе верное дело говорю! Глаз Венерка свой на Юхана и вашу квартиру положила. И Рауля за собой специально таскает, чтобы привыкал к новой обстановке. А мужик что? Мужик – всегда мужик. Кровь от головы ниже пояса прилила – мозг отключается. Другой бы на месте Юхана гнал бы паршивку метлой, а он привечает... Значит, тоже интересна ему шалашовка...

Мария Георгиевна Болотова считалась женщиной одинокой и неустроенной. Ее ойкумена имела четко очерченные границы: начиналась с окна третьего этажа, спускалась к палисаднику, огибала окрестные магазины и заканчивалась на лавочке перед подъездом. Те, кто считал, что бытие Марьгеоргиевны пресно и лишено событий, сильно заблуждались. Отсутствие жизни личной цветовод-любитель с лихвой компенсировала копанием в чужих биографиях, а в них чего только не происходило... Она вела наблюдения, анализировала увиденное, домысливала услышанное, строила предположения и в итоге развивала такие сюжеты, что иным писателям даже не снились. В основном Ги де Мопассану, Набокову и немного Дюма. С творчеством ни одного из авторов, за исключением, пожалуй, Дюма, Мурка не была знакома, да и ни к чему это. И без них все очень ладненько получалось.

Года три назад Марье Георгиевне пришла в голову мысль, и с каждым днем она нравилась ей все сильнее – Венеркин Рауль сын хромого Юхана. А что? Все ложится один к одному: повел девочку в первый класс, держал за ручку, а малышка уже тогда была красивая, и мысли разные могли посетить одинокого на тот момент мужчину. Ему уже к сорока было. И не женат. Подозрительно... Какое-то время спустя он все-таки женился. И на ком? На этой худосочной Евгении – ей и сейчас, годы спустя, едва чуть больше двадцати можно дать, значит, имел-таки Юхан Захарович греховную склонность к несовершеннолетним девочкам. Имел!

А тут и Венерка подросла, расцвела, да как! Любой не устоит. Вспомнилась Юхану ее трепетная ладошка, взгляд бархатный, и накатила на него похоть... И она – дерзкая, горячая, развратная. Одно слово – Билялетдинова! Потянуло блудодеев друг к другу. А уж где и как – это при желании решить можно. Но вот незадача – случился ребенок... На этом эпизоде у Мурки образовался в рассуждениях затор. Временный. Все оказалось просто! Откупился хромой греховодник и пообещал деньгами помогать! Венерку все устроило, но со временем она поняла, что ни один из ее поклонников жениться-то на ней не собирается, а годы идут... Вот и начала она шастать на пятый этаж с весьма определенной целью. Одного только пока не могла объяснить себе Марья Георгиевна, и это сильно портило жизнь – почему Рауль не похож ни на знойную Шемаханскую царицу – мать, ни на «армянистого» отца. Но внешность ребенка – это уже детали. Сама Венера Хасановна, в конце концов, тоже не Фаридкиной породы, и что там за погибший летчик Хасан – еще требуется разобраться... Молчать не было сил, и Марьгеоргиевна решила на первых порах озвучить Жене «облегченную» версию. Нельзя сказать, что все, что надумала любопытная соседка, являлось чистым вымыслом. С Венерой и Юханом Захаровичем у Мурки получилось засечь самую суть – стороны действительно имели друг к другу нешуточный интерес. К счастью для Юхана и Венеры, фантазийный алгоритм Марьгеоргиевны не предусматривал иных, отличных от физиологического влечения, мотивов в отношениях. Даже в дружбе она видела зачатки гомосексуализма и всячески развивала свою теорию с кумушками на лавке перед подъездом. Венера и антиквар, сами того не подозревая, имели все шансы попасть на языки Муркиных товаров, но, узнав об угрозе «разоблачения», облегченно выдохнули «Слава богу!». Догадайся Марья Георгиевна про истинную подоплеку взаимности и разнеси ее по двору – дело могло бы закончиться конфискацией иму-

щества. Венера работала в «Доме фарфора» на Кировской¹⁴, а Юхан Захарович на фарфоре специализировался. Один плюс один получалось два. С помощью Венеры Ромкин отец получал новую клиентуру, а красавица продавщица вполне приличный дополнительный заработок. Подобные «отношения» именовались «нетрудовыми доходами», «спекуляцией» и влекли за собой серьезные статьи.

Присматривая за хромым антикваром и молоденькой вертихвосткой, Мурка сделала еще одно верное наблюдение – в свои «завоевательные походы» к Садо Венера всегда брала сына Рауля. Кто был отцом мальчика, если кто и знал, то только Юхан – он выступил посредником между взбешенной Фаридой и ее беременной дочерью, он же встречал молодую мать из роддома. В свидетельстве о рождении Рауль писался Эрнестовичем, но мог с тем же успехом числиться Александровичем, Теймуровичем, Карловичем, Ицхаковичем, Ивановичем, да кем угодно. Тайна хранилась за семью печатями. А посмотреть на того «Эрнеста» желающих набиралось достаточно: многие хотели знать – от кого рождаются такие жутко красивые или, вернее, красивые до жути дети. Длинное, вытянутое имя прекрасно перекликалось с породистыми, благородными и утонченными чертами мальчика. Пепельные волосы, кожа – яичный фарфор, высокие скулы и раскосые глаза цвета ртути делали Рауля похожим на лайку или молодого волка. Все, кто впервые видел ребенка, впадали в ступор – глаза пугали и завораживали одновременно.

По характеру мальчик был спокойным, меланхоличным и не сильно склонным к общению. Да и когда ему было? Французская школа около универсама «Москва», куда еще нужно добраться на редком сто девятнадцатом автобусе, изостудия, фигурное катание – Венера впахивала в сына все лучшее, что могла. На друзей при таком графике у него просто не оставалось ни сил, ни времени. Из мальчиков Рауль общался, пожалуй, только с Ромкой, а во дворе предпочитал общество девочек – они его боготворили.

Причина, по которой Венера брала с собой сына, висела на стене в Ромкиной комнате и называлась «Молитва о дожде». Две женщины на небольшом холсте смотрели в небо на фоне засохшего дерева. Зритель явно видел жар и пустыню, но художник выразил полотно в холодных тонах. Исполнение делало его нереальным, мистическим. Благодаря мастерству автора совершенно светский сюжет обращался... нет, не в икону, но в изображение, побуждающее обратиться к небесам. Так, во всяком случае, объяснял себе феномен картины Ромка – он считал ее одной из дверей ТУДА. Еще одна загадка крылась в самих глазах женщин – так же, как и у Рауля, они были наполнены ртутью.

Венерин сын всегда приходил к «Молитве» с этюдником и каждый раз пытался делать наброски, но ни разу не смог закончить работу. Что-то не ладилось. Мальчик в итоге бросал рисование, откладывал карандаш и, подобно Ромке, предавался «бдениям». Порой они сидели вдвоем и, по выражению Венеры, вращающейся в самых прогрессивных кругах, «тупо втыкали».

– Не могу понять, – усмехалась красавица, – что Рауль нашел в этой мазне. Такое не существует на самом деле. Где в пустыне голубой и салатный? А тетки эти – просто ужас. У них ни зрачков, ни белков. Кошмар, да и только.

– Это, Венера, называется искусством, – отвечал Юхан. – Автор стал классиком еще при жизни, а мне подарил эту картину года за три до смерти. Да, года за три, не позднее... И знаешь, что я тебе скажу? Восприятие у детей еще не испорчено этим миром. Оно не засорено штампами и свободно от стандартов – наши сыновья могут и видеть, и чувствовать больше, чем мы.

---

¹⁴ Ул. Кировская – название ул. Мясницкой с 1935 по 1990 г.

***

Летние каникулы Ромка проводил обычно так: в июне и до середины июля с Колавной на съемной даче, с середины июля до середины августа с родителями в Прибалтике, а дальше в Москве. В этом году ехать на дачу Раман категорически отказался – из-за солидарности с другом Петькой. У того дела были совсем плохи – благодаря отцовским выкрутасам Петруху лишили путевки в пионерский лагерь.

На фабрику пришла молодая специалистка и активистка Анастасия Иванова. Через некоторое время ее выбрали профоргом. Оценив моральный климат в коллективе, Настенька решила взяться за неведение порядка на вверенной территории. Первой мишенью неофит от профсоюза выбрала самого яркого сквернослова и выпивоху Николая Васильевича Глинского. Помимо алкогольной зависимости и «неподобающих выражений» в вину ему ставилось ущемление интересов семьи. Мол, деньги и время на водку с друзьями спускает, а мог бы на семью и музей...

Большинство из тех, кто присутствовал на собрании, позже отмечали, что ситуация была комедийной с самого начала. Зачем, спрашивается, Настенька начала через предложение приплетать отцов-основателей: Маркса, Энгельса и Ленина? Пока шло ее вдохновенное обращение к собравшимся, аудитория хихикала, а дядя Коля, надув щеки, согласно кивал в сторону портретов. Паясничал, одним словом. Но когда активистка, ссылаясь на Маркса, приложила часть зарплаты гражданина Глинского передавать ей лично в руки, веселый Сатир обратился в свирепого Пана. Цель отбора денег – самая благая: сберкнижка на имя Николая Васильевича. Однако дядя Коля не дослушал предложения. Он вскочил в места, обозвал профорга свербигузкой, а на предложение про отъем зарплаты сделал неприличный жест в сторону Настеньки, подкрепив его главным идеологом: «Карл Маркс тебе в глотку, чтобы голова не качалась!» Поднялся шум, гам... Но увольнять и привлекать не стали. Во-первых, времена уже не те. Во-вторых, ну действительно, при чем здесь бедный Карл? В-третьих, и самых главных, дядя Коля на комбинате был совершенно незаменимым человеком. Отсутствие профорга сразу никто и не заметит, а вот без дяди Коли приходилось туго. Как чего ломалось – бежали к нему:

– Николай Васильевич, вот что-то ерунда какая-то происходит! Не поглядите?

– Погляжу! Чего ж не поглядеть, – отвечал дядя Коля и прыгающей походкой направлялся за просящим. – Наладчика когда в последний раз вызвали?

– В том-то все и дело, что вчера! И все работало! А сегодня, как назло, заедает! Вот если бы вчера заедало, я бы к вам не обратился.

– Если бы у бабушки были приبلудушки – она была бы дедушкой, – вздыхал Николай Васильевич. – Ну давай, включай... Стоп! – Николай поднимал руку. – Тишина! Еще раз включи... Стоп! Еще раз... Стоп! От ведь эклектика какая... Реле веригами накрылось. Перегрев пошел.

– Почините?

– Да как два пальца об асфальт!

Если у сына была Чуйка на монеты, то у отца Слушка на механизмы и руки из нужного места. Мало того что по звуку определял неполадку, так еще и чинил ее! Где такого мастера еще найти? Любой руководитель предприятия за своего Левшу держаться будет, и никакая свербигузка директору не указ. Даже с Марксом. Так и спустили сентенции дяди Коли на тормозах, но в качестве острастки лишили семью профсоюзной путевки на юг, а сына – в пионерлагерь.

Из дворовой компании на вторую неделю июня остались только Петька с Ромкой. Друзья ходили в кино, ездили купаться на Москва-реку, играли в парке в автоматы, бегали на голубятню, и в какой-то момент, парни даже не заметили как, к ним примкнул Рауль. У него с матерью сорвалась поездка в Сухуми, и до выезда с бабушкой в деревню мальчику оказалось совер-

шенно нечем заняться. Рулька-Раулька прилип к соседям по подъезду и ходил за ними хвостом. Те не возражали.

Несмотря на то что Венерин сын и был младше приятелей на целых четыре года, но от него не укрылась Петькина способность к нахождению денег.

– Как ты это делаешь? – спросил Рауль Петьку на очередной находке. – Научи. Я тоже так хочу.

– Никак., – Глинский махнул рукой.

– Научиии, – захныкал мальчишка, – иначе я всем расскажуу.

«Вот ведь какой противный, – подумал Ромка. – А Глинский, интересно, расколется?»

– Ну и рассказывай, – спокойно ответил Петя. – А мы тебя тогда больше никуда брать не будем. Понятно?

– Ну рассказиии, – ртуть в глазах набухла и вот-вот начнет таять, – я никому не скажу. Честное слово! Ну пожалуйста!

– Ответь мне, – начал Петька, даже не почесав носа, и Раман вздрогнул: «Неужели сейчас про Чуйку расскажет? Про нашу тайну сопляку этому расскажет? Ух, Глинский!» – Тебе фанта или пепси-кола нравится?

– Нравится, – всхлипнул Венерин сын, – фанта нравится.

– Фанта... – медленно повторил Глинский. – А скажи мне, как это?

– Что? – не понял сосед.

– Ну как ты это делаешь, что она тебе нравится? Расскажи!

– Я... – растерялся Рауль, – я не знаю... я ничего не делаю. Просто она мне нравится, и все...

– Вот так и у меня, – подытожил Петька, – монеты находятся, и все.

Раулька не сразу понял, что его оттерли, а когда осознал, что ему ничего не узнать про секрет нахождения денег, обиделся:

– Подумаешь, – пошипел он и сузил глаза в две стальные полосы, – копейки он находит. Не очень-то и хотелось! Не нужны мне ваши десятюнчики. Подумаешь, кино, мороженное! У меня драгоценная монета есть! Я на нее весь кинотеатр куплю! Вот так!

– Ты ври, Рулька, да не завирайся, – хмыкнул Глинский. – Кинотеатр он купит. Откуда у тебя, сопляка, драгоценная монета?

– А я не вру! – крикнул мальчишка. – Сулейман Рашидович, жених моей мамы, подарил ей кулон в виде монеты. Дядя Сулейман сказал, что это не монета, а целое состояние, но ради мамы он ее просверлил и на шнурок из кожи занесенного в Красную книгу сайгака повесил. Вот так!

– Монета золотая? – поинтересовался Глинский.

– Нет.

– Значит, все это ерунда! Никакое это не состояние! И кожа не сайгака! Кто этому Рашидовичу сайгаков позволит убивать? Ты еще скажи динозавра!

Рауль еще больше обиделся и дальше с расспросами не приставал.

Вечером того же дня Раман и Петр, уже вдвоем, сидели в семьдесят девятой квартире и играли в переводного дурака.

– Слушай, Глинский, – Ромка пошел с шестерки крестей, – а как ты догадался так четко ответить Рульке?

– Да это не я, – ответил друг и совершенно недружественно перевел на Рому шестерку червей. – Это батя...

– Ну ты, остров Жапонез, подждал меня со своей шестеркой, – пробурчал приятель и забрал обе карты себе. – А дядя Коля тут при чем?

– Да было дело. – Петька положил на стол восьмерку. – Ты же знаешь, батя ведь слышит, что в механизме не так. Вот однажды его и спрашивает один мужик: «Как ты, Колюня,

это делаешь?» А тот отвечает: «Ты водку любишь? А как это?» Бито! Ну, давай, давай мне в обратку свои шестерки, изоморфия!

***

Не знаю почему, но к еде в моей семье относились пренебрежительно. Мама почти не ела. Худючая – почти дистрофик. Но красивая. До сих пор такая. Готовить, соответственно, не умела. Отец к пище был равнодушен и ел что дают. Порой даже не смотрел в тарелку, закрывшись книгой или журналом. Всех нас кормила папина сестра, которая ему вовсе не сестра... но он к ней относился как к сестре... короче, не про нее сейчас речь – у плиты стояла Валентина Николаевна. Все ее звали Колавна. То, что готовила тетка, называлось кормом. Много, питательно и никакого вкуса. Я не голодал, хотя удовольствия от еды дома почти никогда не получал. Почему почти? Потому что к нам приходили гости!

Какой же это был для меня праздник! Отец антиквар – полуподпольная профессия! Так что случайные люди в дом не попадали и для них, дня за два до даты, в кулинарии ресторана «Прага» заказывались салаты, горячее и закуски. Вытаскивались деликатесы. Родители почему-то считали, то я так же безразличен к еде, как и они. И даже когда, узнав о приходе гостей, я пускался пляс – они трактовали это по-своему. Дело в том, что с младых ногтей из меня лепили продолжателя отцовского дела, то есть эрудита, интеллигента, человека, разбирающегося в искусстве. А каким образом я мог им стать в обыкновенных Черемушках с «пьяной лавочкой» под боком? Только через общение с соответствующими личностями – друзьями моих родителей! И они приходили в наш дом: коллекционеры, искусствоведы, библиофилы, всех не упомянешь... Вели застольные разговоры о возвышенном, а я, с куском колбасы за щекой, на этих диспутах присутствовал. И родители с умилением смотрели на мое счастливое лицо – думали, что я радуюсь общению. Как бы не так! Во вкус этих бесед я, конечно, вошел, но значительно позже. Однако... существовал один гость, который затмевал собой все котлеты по-киевски, финские сервелаты и салаты «оливье». Его прихода я ждал с придыханием. Звали того человека Арнольд Иванович Сухарев.

По профессии Арнольд Иванович был археологом. Действующим. Еще он читал лекции и вел кружок юного археолога в Музее Востока. Не существовало темы, в которой он так или иначе не разбирался. «Я археолог, – говорил Арнольд Иванович, – а следовательно, должен иметь понятие о строительстве, фортификации, военном деле, сельском хозяйстве, торговле, металлургии, метеорологии, астрономии, астрологии. Я обязан представлять мифологию, религию, социологию, географию, не говоря уже об истории, топографии, картографии – это мой хлеб». Походный быт научил Арнольда добывать еду, разводиться под дождем костер, экономить воду, ориентироваться в облаках на случай непогоды, накладывать жгуты и шины, прижигать раны, делать «сухую баню» – это когда собираются камни, на них ставится шалаш или палатка, внутри разводятся костер и после того, как огонь почти погас, очаг окатывается водой. С раскаленных камней поднимается пар, и внутри можно мыться в любую погоду. Вот чьи рассказы я мог слушать до бесконечности! К тому же, по моему внутреннему ощущению, археолог Сухарев был вовсе не гробокопателем, как он шутя себя называл, а прекрасным актером и декламатором.

– Бескрайние степные просторы простираются с запада на восток, с севера на запад, и все они принадлежат моему племени – племени скифов, – вдохновенно начинал Арнольд Иванович.

После каждой экспедиции он приезжал к нам в гости (это был своеобразный ритуал) и докладывал о раскопках. Я каменел от восторга.

– Меня интересуют царские скифы – самое сильное из четырех скифских племен. Их владения начинаются вот здесь, – гость указывает на солнечное пятно на обоях, – охватывают

Одесскую и Запорожскую области, – рука заходит на дверцу шкафа, – полностью покрывают Крым, – рук не хватает, и лектор перебегает в другую сторону, – а дальше уходят к Курску, Воронежу, Кубани и Ставрополю. Понятное дело, тогда не было никакого Воронежа, и реки именовались иначе, но оцените масштаб!

Я оценивал! Половина стены моей квартиры! И даже папа, который, в отличие от меня, знал, кто такие скифы, почтительно качал головой:

– Надо же, Арнольдий, я никогда об этом не думал...

Свое уважение друг к другу они выражали особым способом: отец, будучи старше археолога, называл его Арнольдием, но на «вы», а тот, в свою очередь, обращался к старшему товарищу по имени-отчеству, но на «ты».

– Выжженная степь... – продолжал Арнольдий, – и вдаль, к горизонту, уходят крытые кибитки, стада коров, табуны лошадей. Впереди, размытые жаркой дымкой, струятся копья воинов. Неужели мой народ решил покинуть эту землю? Нет! Конечно же нет! Это очередной военный поход на Восток! Кибитка – это дом, штаб, военная палатка, госпиталь, мастерская. В случае осады она переворачивается и становится лучшей защитой в степи, где и ворону не укрыться! В кибитках едут кузнецы и ремесленники, жрецы и врачеватели, портнихи и прачки, женщины и дети. Но не верьте мне! Не верьте! И впереди, в авангарде, и здесь, в арьергарде, – Арнольд указывает пальцем на стол, – едут воины! Поголовное ополчение! Включая женщин и детей. Те самые загадочные амазонки древнегреческого эпоса и есть скифские женщины-воительницы! С малолетства скифы учатся держать лук, обращаться с пикой, мечом, справляться с маленькими шелудивыми лошаденками! Ах, не торопитесь смеяться над этим смешными существами! Их убогость обманчива! Когда сицилиец или фессалиец выбивается уже из сил, спотыкается и пускает пену изо рта, скифская лошадка только разгоняется! Горе той армии, что столкнется со скифской конницей!

– Уж не они ли, Арнольдий, разнесли Ниневию? – спрашивает отец.

– Они, Юхан Захарович, они самые. В 612 году до нашей эры вместе с мидийским царем Киаксаром.

– А что это такое Ниневия? – спрашиваю я и нарываюсь на гневный отцовский взгляд.

– Неуч! Срамота! Ниневия – древняя столица Ассирийского государства! Наша с тобой историческая родина! В ней жили айсоры-ассирийцы!

– А где она тогда находится? – не унимаюсь я.

– Уже нигде, – миролюбиво отвечает Арнольд Иванович. – Юхан Захарович, не обижайся на ребенка. Он же не может знать, где находится государство, которого уже не существует. Кстати, приблизительно с того самого 612 года до нашей эры.

– Скажите, Арнольдий, – вмешивается мама, – а что, в этот раз вы нашли что-нибудь стоящее?

– Нашел! Целый скифский курган! Уникальное место!

– Курган – это горка такая? – влезаю я, и отец тягостно вздыхает – зря меня, видать, кормит.

– Горка, только погребальная, – отвечает археолог, – могильник, одним словом. Захоронение амазонок. Потрясающие красавицы! Сколько силы и женственности!

Мама морщится. Она не понимает, как трупы могут быть красивыми. Арнольдий замечает ее гримасу и объясняет:

– Красивы с археологической точки зрения. На амазонках бусы, золотые украшения, расшитые пояса. Рядом лежат зеркала, инкрустированные гребни, луки, колчаны со стрелами, ножи, дротики. Сразу представляешь себе эту женщину в полном облачении – высокую, длинноволосую, в бусах, сарафане и с натянутой тетивой в руках!

– А бусы красивые? – спрашивает мама.

– Не то слово! – радостно откликается Сухарев. – Да ты сама, Женечка, посмотри. Вот фотографии.

– Боже! Какая прелесть! Я тоже такие хочу! Арнольдий, а их можно... ну... купить, к примеру?

Лицо Арнольда Ивановича темнеет, и он становится невероятно серьезным:

– Дорогая моя, запомни это раз и навсегда – ничего, что находится на покойнике или принадлежит ему, ни в коем случае нельзя брать или, тем более, на себя надевать. Даже в мыслях нельзя себя в вещах покойного переставлять! И любой археолог тебе это подтвердит. Никогда! Запомни это.

В своей жизни я не видел людей более суеверных, нежели археологи! Парадокс – при великольном знании религии они по большей части атеисты. Не верят ни в бога, ни в черта, но суеверны до фанатизма! И Арнольдий был именно таким. Он не носил часов и переходил улицу, если видел черную кошку. Женщину с пустой сумкой трактовал как женщину с пустым ведром и делал соответствующие выводы. Перед важным разговором по работе клал пятак под правую пятку, а перед деловым – под левую, радовался встречам с горбуном и всегда собирал полотенцем (не дай бог рукой!) крошки, чтобы скормить их птицам! Взрослый, образованный человек!

***

Ромка безумно расстраивался, когда проигрывал. В карты ли, в домино, в лото, в шашки. В шахматы играть принципиально не учился – знал, что в ближайшее время отца ему не переиграть. Зачем же тогда заранее и попусту расстраиваться? В тот вечер он всухую продулся Петьке в переводного дурака – пять раз залезал под стол и кричал «кукареку!». Совершенно подавленный поражением, Раман ввалился в квартиру и даже не заметил поначалу ботинка с пяточком. Потом обрадовался – Арнольдий в гостях! Судя по детским туфелькам и папиным башмакам, родители тоже вернулись домой. Значит, сегодня его ждет что-то вкусное и интересное! И точно – Колавна стояла спиной к кухонной двери и отбивала на подоконнике антрекоты – блюдо для неожиданных гостей. Грохот стоял такой, будто тетка собралась выколотить из подоконника душу. Только бы мясо не сильно испортила. Появление племянника Колавна не услышала. Дверь в большую комнату была закрыта, но слышался разговор:

– Как Зоя? – спросил Юхан Захарович и отхлебнул чай.

– Да все так же – великолепно! – отвечал Арнольдий, помешивая ложкой сахар. – Ремонт собралась делать. Второй этаж создавать.

– Ой, это же так муторно, – вставила мама, – разрешения получать, согласовывать...

– Да, да... – рассеянно согласился археолог. – Юхан Захарович, не могу молчать... Я к тебе, как к человеку опытному и надежному, хочу обратиться с очень необычной просьбой.

– Мне выйти? – спросила мама.

– Нет, нет, Женечка, оставайся, если хочешь. – Сухарев откашлялся. – Ты, Юхан Захарович, меня знаешь хорошо и давно. И для тебя не новость, что золото я не люблю. С него одни проблемы и неприятности.

Ромка наострил уши.

– Тут совсем недавно, в мае, в Феодосийском заливе работали водолазы. Один из них, молодой и зеленый, уцепил юным взглядом монетку и заныкал ее... С кем, как говорится, не бывает... К тому же речь идет о презренном металле, который и с более опытными людьми играет в такие игры, что и говорить порой не хочется. А водолазик-то наш (руки ему поотшибать) пришел домой и давай монетку чистить. Чуть ли не наждачкой или кислотой, а когда понял, что имеет дело с ценным экспонатом, то испугался. Куда теперь с ней? В скупку не отнесешь – это тебе не золотой червонец, который прабабушка в наследство оставила. К барыгам

тоже – и сдать могут, и опасно все это. Как милиции объяснить наличие блестящего византийского солида?

– Что, серьезно византийский солид? – подал голос Юхан. – Откуда он в Феодосии?

– Откуда – дело третье. В Крыму и не такое при желании и изрядной доле везения найти можно. Я не большой специалист, но испорченная монета еще сохранила черты солида... Нумизмат нужен.

Арнольд Иванович замолчал. Антиквар тоже не подавал голоса, и сквозь удары молотка по подоконнику Раман слышал тиканье берлинских часов – выходил занятный ритмический рисунок.

– Просьба у меня к тебе будет, Юхан Захарович... помню, был у тебя некто Филонов, если я не путаю, такой крученный-верченный человек по монетам. Я к нему через тебя пару раз обращался. Вот ему бы солид показать, а еще лучше пристроить. Себе ничего не прошу. Весь интерес – твой.

Отец отбивал сильные и слабые доли пальцами по столешнице. По размеру походило на «Тореадор, смелее в бой!».

– Скажите, Арнольд, – наконец нашелся антиквар, – а почему вы взялись решение этого скользкого вопроса? Сколько вас знаю, вы этими... ну, делами, балансирующими на грани, не занимались. Не думаете, что и вас могут подставить?

– Это муж Зоиной любимой племянницы Ариадны, – грустно ответил Арнольд.

– Я все понял, – по-военному четко ответил отец. – Монета с вами? Я сегодня же свяжусь с Геней Филоновым. Сколько вы будете еще в Москве?

– Огромное тебе спасибо, Юхан Захарович. У меня до отъезда целая неделя.

– Арнольд, – спросила мама, – а можно на монету посмотреть?

– Да, конечно, я вам ее оставлю.

Раман понимал, что папины занятия не всегда согласуются с общепринятыми нормами, но в свое время ему объяснили, и жизнь каждый раз только подтверждала услышанное, что Закон предусматривает не все аспекты обыденности. Он прекрасно работает на одном направлении, но буксует на другом и даже имеет бреши. Иначе говоря – требует доработки. Она опаздывает, а время идет своим чередом и ждать не будет. «Поэтому, – объяснял отец, – надо просто разумно использовать свое положение. А что это значит? Трезво оценить ситуацию. Взвесить риски. Не жадничать и держать язык за зубами». Про самого себя хромой Юхан говорил так: «На мне греха нет. Вот Джотто, великий Джотто, тот, да – нарушил библейскую заповедь и занимался ростовщичеством. Кто я по сравнению с Джотто? Комар! И дело мое комариное – сводить одних нужных людей с другими. Что наши законы по сравнению с библейскими? Перечень правил. И не моя вина, что наша правовая система несовершенна». Именно о правовой оценке сложившейся ситуации взрослые вели уже дальнейшую беседу.

– А как вы на самом деле думаете, Арнольд, – спрашивала мама, – что, Зоиноного родственника действительно за эту монету могли бы посадить?

– Да кто ж его знает, Женечка, – отвечал археолог. – Как гласит буква закона? «Все, что находится в недрах... принадлежит государству». И дальше встает вопрос трактовки. Если бы нашел и принес в милицию в установленный срок – не то что не посадили, а грамоту бы дали! Но у водолазика изначально имелись другие планы. Зачем две недели держал монету? Интересовался, как можно почистить, кому продать... Начал чистить и понял, что влип. Опять сидит, думает... Допустим, принесет он ее, блестящую, с повинной – и здесь уже на кого попадешь. Посадят? Не уверен, но крови попьют. Это к гадалке не ходить. Все-таки испортил ценный экспонат, в основе поступка – корыстная цель и желание обойти закон... Тут включается человеческий фактор. И потом, мы же многого не знаем. А ну как у какого-нибудь нумизмата в Херсоне или Ставрополе месяцев шесть назад украли ценные монеты, а среди них золотой византийский солид? А?

– Ой, и точно...

– То то и оно. Если бы не Зоя – в жизни бы не взялся за такое дело. Родственник-то ее со страху плавить монету собрался! Ничего святого! Как так можно с артефактами обращаться? Одни деньги на уме. Что за народ...

– Ромка, подслушиваешь, поросенок? – прошептала за спиной Колавна и схватила племянника за ухо.

– Ой! – пискнул Раман.

– Оставь его в покое, Колавна, – ответил отец из-за двери. – Я знаю, что он тут уже минут пятнадцать как уши греет, мерзавец. Пусть заходит...

– О! – обрадовался Арнольд Иванович. – Раман Юханович, собственной персоной и не на даче!

– Здравствуйте, Арнольд Иванович, – пробурчал Ромка, опустив глаза долу, – я не специально...

– Конечно, не специально! – зашелся в гнев отец. – Сколько раз я тебе говорил, что подслушивать подло?!

– Ну мне же интересно стало! Все монеты находят! Петька находит, водолазы находят, Раулькиной маме их вешают на шею, а я мимо кассы! Мне тоже хочется!

– Какой Петька? Какие монеты? – оживился археолог. – Юхан Захарович? Почему я про это не знаю?

– А! – пренебрежительно махнул рукой антиквар. – Дружок его закадычный, этажом ниже живет. Говорит, что чутье на металл имеет.

– Чутье на металл? – еще больше возбудился Арнольд Иванович. – Правда?

– Угу, – кивнул Ромка, все еще не решаясь поднять глаза на гостя.

– А каковы его планы на лето?

– Да какие у него планы? – ответил посрамленный сын Юхана. – Все лето торчать в Москве – лагерь у него обломился...

– Раман! Что за выражения?! – возмутилась мама. – Да, но в лагерь Петя, действительно, в этом году не попадет. А наш благородный рыцарь двери и замковой скважины... – мама сделала паузу, и Ромке стало совсем пакостно, – в солидарность с другом отказался ехать на дачу.

– Прекрасно! – воскликнул Арнольд. – Просто великолепно! А ты, Раман, говоришь, что тоже хочешь монеты находить?

– Хочу.

– Очень хорошо... очень хорошо. – Сухарев встал и прошелся несколько раз вперед-назад. – А что, Юхан Захарович, ты мне скажешь, если я твоего сына в наказание за подслушивание в рабство заберу? Вместе с другом? Петьке-то своему он точно про солид византийский расскажет. Вот чтобы оба они молчали и занимались делом, я бы взял их к себе через неделю в экспедицию под Феодосию.

– Что?! – радостно подпрыгнул Ромка. – Правда?! На настоящие раскопки?!

– Помолчи! – грозно осадил сына Юхан. – Тебя здесь никто не спрашивает! А что, детей берут?

– Я беру! – гордо ответил Арнольд. – Каждый сезон пару-тройку активистов из своего кружка при музее летом с собой в обязательном порядке. В этом году один мальчик заболел, а второй по семейным обстоятельствам не сможет. Едет только староста кружка. Так что два места свободны.

– И вы, Арнольд, – с иронией спросил отец, – станете утверждать, что это все легально?

– Абсолютно нелегально! – радостно отозвался гость. – Детей оформляем на родителей. И под мою ответственность.

– Пап... пожалуйста... – Ромка так разнервничался, что от волнения начал задыхаться.

Юхан уже набрал воздуха в грудь, чтобы дать отповедь, но, увидев лицо сына, медленно выдохнул и, сдвинув брови, произнес:

– Я не против, но пусть мать решает.

– Арнольдий... – взволнованно начала Женя. Вопрос-то уже был решен, и отсылка на ее окончательное слово – не больше чем реверанс. – Скажите, а их там может кто обидеть? Ну, я к тому, что...

– Не волнуйся, Женя. У меня с этим строго. Даю слово.

– Ну, тогда... – голос мамы подрагивал, – тогда я согласна, если Глинский поедет. Только при условии, что поедет Глинский. Юхан, ты слышал?

– Какой такой Глинский? – Арнольд Иванович в изумлении приподнял левую бровь.

– Так это друга моего, Петьки, фамилия такая. Глинский.

– Ну надо же! – снова восхитился Арнольдий. – Глинский! Чего только не бывает! Тогда он просто обязан ехать!

Почему человек с фамилией Глинский должен ехать на раскопки, археолог не объяснил. А если бы и рассказал, то информацию ту вышибли подзатыльник и последующий нагоняй, коими отец наградил Рамана после того, как гость ушел. За подслушивание.

***

Сколько лет было Геннадию Филонову, Ромка не знал. Для него все, кто старше шестнадцати, казались уже большими. Геннадия от всех взрослых отличала вызывающая внешность: одежда, прическа, манеры. «Пижонистый кобелек» – называла Филонова Колавна. Он, как и Юхан, работал в скупке, специализировался по металлу, но имел серьезное увлечение – нумизматика. По монетам Гена сходил с ума и мог рассуждать о них часами, называя «малышками», «крошками», «толстячками», «красавцами» и прочими одушевленными эпитетами. Сам Арнольд услугами Филонова пользовался исключительно ради предварительной оценки находок. Он передавал нумизмату фотографии. Отношение к деньгам, к современным ли, к старинным ли, у археолога сложилось одинаково чистоплюйским: не твое – не бери. Иные под предлогом показать специалисту, клали в карман несколько монет, но возвращать иногда забывали. Чего уж там... в горсти медяков пары-тройки недосчитаться. Никто и не заметит. Арнольдий себе такого позволить не мог. Если начинало «переть золото», и Арнольд Иванович этого очень не любил, вызвали людей в пиджаках. Они делали опись, составляли протоколы. Все как положено. Но случалось, что и при их опосредованном участии в раскопках не все золотые монеты доезжали в Гохран. До Сухарева докатывались слухи о некоем Гене из Москвы, который «все устраивает чисто и лучшим образом». Ген в Москве, безусловно, много, но чуть подсказывало Арнольду, что они с хромым антикваром знакомы с *чистым* Геней.

Тем же пятничным вечером, в который Ромка получил заслуженный подзатыльник, Юхан позвонил Геннадию, и пижонистый нумизмат в белых брюках и красном батнике уже в одиннадцать утра стоял на пороге квартиры Садо.

– Здравствуйте, Евгения Романовна. Юхан Захарович! – возбужденно крикнул Гена, проводя руками по вискам: на левой руке тонкий золотой браслет, на мизинце правой руки – золотая печатка. – Я вам этого никогда не прощу! Как вы позволили себе до сих пор молчать? Вот Евгению Романовну, как женщину, я очень хорошо понимаю! Я бы на ее месте тоже молчал! Но вы! От вас я такого не ожидал! Знаете, что я не женат, и скрывали от меня такую красавицу! Я чуть ли с лестницы не упал!

– Это он про Венеру, Юхан, – улыбнулась Женя входившему в коридор мужу.

– Боже мой, какое красивое имя! Настоящая Венера! Венера Милосская! Познакомьте, умоляю!

– Боюсь, Геннадий, эта Венера Милосская будет вам не по карману. – Юхан Захарович прислонился к стене. – Чтобы удостоиться ее взгляда, нужно иметь по меньшей мере белую «Волгу», блат в Большой, пропуск в ресторан Дома киноактера, ну и так, по мелочи... Ваши «Жигули» не котируются.

– К тому же, – добавила Евгения, – у нее есть сын. Придется принять и его.

– ЭТО ее сын?! Ужас! – с не меньшим воодушевлением вскрикнул Гена, снимая белые кроссовки. – Видел я его! Как глянул на меня своими прозрачными глазами – брр! Клянусь – в душу холодными руками залез! Нет уж! Увольте! Волчонок!

– Ну что вы, – миролюбиво ответила Ромкина мать, – чудесный на самом деле мальчик. Очень умненький. И похож, если сравнивать, скорее на лайку...

Геннадий прошел к коллеге со специальным кейсом. В чемоданчике лежала куча всего интересного: измерительный циркуль, линейка, весы с малюсенькими гирьками, налобный фонарик, школьный микроскоп, коробочка с реактивами, зубоорачебные зонд и элеватор, лупа круглая и лупа в картонном «стакане», как у часовщиков, бархотка, пинцеты и несколько книг. В этот раз Ромку допустили до действия и Филонов не возражал.

– Меня тоже отец с малолетства к монетам приучал, – одобрительно кивал нумизмат, раскладывая инструмент по сторонам рабочего стола. – Нумизматика – одно из самых древних на Земле хобби! Своими корнями уходит в Древний Египет!

– А у вас папа тоже нумизмат? – спросил Ромка, разглядывая содержимое чемодана.

– А как же! Ну-с, приступим! – И Филонов, вставив картонный стакан в правый глаз, протянул руку. – Так, Юхан Захарович, давайте показывайте, какой вы мне подарок приготовил ко дню рождения.

– У вас сегодня день рождения?

– Нет, послезавтра, в понедельник!

Юхан проковылял к столу и вытащил из внутреннего кармана домашнего клетчатого пиджака начищенный солид.

– Что?! – вскрикнул Гена, выронив из глаза картонку. – Что?! – И схватил круглую лупу. – Варвары! Вандалы! Что они с ним сделали?! Да за такое расстреливать надо!!! Дайте мне тех людей! Я их этими руками удушю!

– Я предупреждал вас, Геннадий, – соблюдая спокойствие, проговорил хозяин, – в деле могут обнаружиться досадные недоразумения.

– Что?! Какие недоразумения? – Нумизмат чуть ли не плакал. – Они убили его! Понимаете ли вы это? У-би-ли! Такого красавца!

– Это действительно византийский солид? – ровно спросил Юхан Захарович.

– Хуже! Точнее, лучше! – Гена с досадой шлепнул ладонью об стол. – Это старинная подделка под византийский солид!!! Она стоит дороже оригинала! Сволочи! Они ее царской водкой¹⁵ и наждаком чистили! Убийцы!

– Почему дороже оригинала? – прошептал Рома.

– Потому что золотые монеты редко когда подделывают! Это не медь и даже не серебро! Это старинная подделка старинной монеты!

– А может, не такая уж и старинная? – робко поинтересовался антиквар.

– Старинная! – Геннадий чуть ли не взвизгнул. – Стал бы тот вандал ее чистить! Золото золотом, но тысяча лет под водой... И вот еще – след от зуба – на подлинность проверяли. Значит, была в обращении!

– Так, может, все-таки не подделка?

– Подделка! Подделка! Подделка! – раскачиваясь в стороны, скулил нумизмат.

– Как вы это поняли? Можно полюбопытствовать?

¹⁵ Царская водка – смесь соляной и азотной кислот. Растворяет золото.

Ромка прильнул к отцу – ему тоже было интересно.

– Любопытствуйте, – обиженным голосом, будто солид был испорчен лично семейством Садо, откликнулся гость. – Смотрите сюда: диаметр девятнадцать миллиметров против двадцати плюс. Вес, соответственно, ниже нормы. Солиды в среднем весят четыре с небольшим. Гурт гладкий, значит, монета не обрезана. Но главное – монетная легенда! То, что от нее осталось... Теперь это почти что кусок металла...

– Интересно... кому потребовалось делать подделки золотых монет тогда, в Византии? – Юхан сидел напротив Геннадия и в задумчивости водил указательным пальцем вдоль нижней губы.

– Хотел бы я знать. – Филонов уже начал собирать свои приборы в кейс. – Но это однозначно был очень богатый и авантюрный человек. У него был свой монетный двор. Какоего красавца загубили!

На Геннадия было жалко смотреть – так расстроился из-за монеты. Захарович решил его немного взбодрить:

– Не печальтесь, у вас же скоро день рождения! А у Рамана есть волшебный друг. Он монеты находит, – по-отечески начал Юхан. Таким голосом он начинал когда-то сыну сказку на ночь. – Вот через недельку они с Рамой поедут на раскопки в Крым. Младоархеологи Глинский и Садо вам с десяток таких красавцев найдут. Правда, Раман?

– Ага.

– Найдут, как же... – Геннадий Филонов отвел глаза в сторону и кисло улыбнулся.

Дальше Ромку попросили уйти из комнаты – разговор подходил к финансовой стороне вопроса, и мальчику этого слышать не следовало. Раман покорно покинул квартиру. Он и в мыслях не держал подслушивать – его ждал Петька. Обсуждать, по сотому разу, их поездку в Феодосию!

***

Билетов на поезд уже не было, и Арнольдий купил для себя и трех юных археологов билеты на самолет. За день перед вылетом Сухарев зашел к Садо забрать мальчишек, чтобы поутру всей компанией выдвинуться в аэропорт с улицы Герцена¹⁶, где жил Арнольд Иванович.

– А староста? – спросил Петька. – А он как поедет?

– Не он, а она, – ответил Арнольд, – ее зовут Люда Лютаева. Она будет вашим начальником в случае моего отсутствия. И живет она в пяти минутах ходьбы от моего дома. Я сегодня ее пригласил зайти к нам в гости – заранее познакомиться.

– Фу, девчонка! – бросил Глинский.

– Самая замечательная девочка на свете, – улыбнулся Арнольдий и приказал: – А ну, открывайте чемоданы, закатывайте рукава и брюки. Будем проводить инспекцию.

Суеверность археолога была поистине всеобъемлющей. Ромка лишился наручных часов – «на раскоп в часах не ходят!», красной футболки и трусов в красную полоску – «красный цвет на *копе* – жди пожара!». У Петьки выбросили из чемодана красные носки и отправили домой за белой рубашкой – «раскоп начинаем в чистой, глаженной белой рубахе». По дороге к себе Арнольд Иванович засыпал парней археологическими приметами и премудростями. Друзья как ни старались, но запомнить смогли только следующее: запрещено плевать в раскоп – удачи не будет, нельзя показывать пальцем в небо – накличешь дождь, «лопатазаболела» – не диагноз, а «киркудай» не существительное, а глагол. Причем в повелительной форме.

---

¹⁶ Ул. Герцена – ныне ул. Большая Никитская.

Они заскочили на минутку в Музей Востока, а затем переулками вышли к зданию ТАСС¹⁷. Петька глянул на огромные овалы окна «смелого архитектурного проекта», как называли штаб-квартиру телеграфного агентства, ткнул приятеля в бок и шепнул на ухо:

– Смотри, а там тетки сверху ходят!

– И что? – рассеянно спросил Ромка, провая взглядом симпатичную девушку.

– А то, будь юбки у них чуток покорооче – трусы было бы видно!

Оба расхохотались.

На стороне центрального входа в ТАСС, там, где глобус, на улице Герцена, по-царски расположилось роскошное здание с коваными балконами, мелкой «кафельной» облицовкой и головами «теток» на фасаде. Не тех, что ходят по коридорам агентства.

– Какие же это тетки? Это речные русалки, – объяснил Арнольд Иванович, – и кладка – не кафелем, а глазурной плиткой. О! Нам повезло! Папа уже дома! Значит, он нас и накормит!

– Как вы узнали, что папа дома? – спросил Раман.

– А вы прислушайтесь!

Сквозь городской шум, шуршание шин, лай собак, «бряцание» троллейбуса, цоканье каблучков, ребята отчетливо слышали веселое пение птиц! Откуда? Вокруг ни одного дерева! Лица друзей изменились, и они уставились в четыре глаза на провожатого. Тот улыбнулся:

– Взгляните наверх.

Ребята задрали головы: и действительно, за шуплыми, пусть и украшенными листиками с цветочками, решетками балкона второго этажа разместились клетки с птицами.

– Да, мой папа разводит лесных птиц: щеглов, варакушек, свиристелей, зябликов, малиновок, – пояснил археолог. – Когда папа дома, он выносит птичек «погулять».

– А кто такие варакушки?

– Вот у папы и спросите. Зовут его Иваном Андреевичем. Айда домой!

Садо и Глинский хоть и выросли в городе, но в *настоящих*, а не панельных домах находились впервые. Здание, в котором жил Арнольд, поразило их возвращенное на стиле хрущевки и общаг изображение: огромный подъезд оказался *парадной*. Действительно, хочешь – парады проводи, хочешь – на велосипеде катайся. Между входом и дверью в *парадную* вполне могло уместиться кресло. На площадку первого этажа поднималась *парадная* лестница, а освещал это великолепие огромный белый шар молочного стекла. На широких подоконниках (хоть ноты раскладывай) стояли горшки с цветами, а еще:

– Как у каждого уважающего себя здания, – с гордостью заявил Арнольд, – здесь имеется черный ход. Для челяди и любовников. Ну, это вам еще знать рано...

Но больше всего пацанов поразили... перила! Вот бы домой такие! Длинные, умеренно покатые и с гладким боковым желобком. Как объяснил Арнольд – это не желобок, а выемка для большого пальца. Чтобы руку удобнее было класть. И правда! Размещаешь кисть в выемке и катишься, катишься, катишься! Красота!

---

¹⁷ ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза (Тверской бульвар, д. 2).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.